

**Продолжая серию публикаций под общей рубрикой
«Вяземское ратное поле»,
представляем вниманию читателей жизнеописание
выдающегося сына Отечества, нашего земляка
Адмирала Павла Степановича Нахимова.**

«...Война священное дело для тех, которые принимают ее по необходимости, в защиту правды, веры, Отечества. Подвизающийся в сей брани оружием совершает подвиг веры и правды, который Христианские мученики совершали исповеданием веры и правды, страданием и смертью за сие исповедание, и приемля раны, и полагая живот свой в сей брани, он идет вслед Мучеников к нетленному венцу».

Святитель Филарет, митрополит Московский.

Среди выдающихся русских адмиралов беззаветно преданных православной Вере, Царю и Отечеству Павел Степанович Нахимов по праву стоит первым после святого праведного воина Феодора (Ушакова). Павел Степанович не только выдающийся флотоводец. Основой всех его славных дел и побед, является глубокая вера в Бога, искренняя любовь к Православию, и на этой твердой почве - верность дворянской чести, воинской присяге и высокие профессиональные качества. Адмирал Нахимов принял смерть в Крымской войне не просто за город и морской порт на Черном море, а за Веру, отстаивая вместе с другими защитниками Севастополя древние святыни колыбели русского Православия. Об этом красноречиво свидетельствуют письма и приказы Павла Степановича, воспоминания о нем и дневники современников.

Крещенный в честь святого и всехвального, первоверховного апостола Павла, воспитанный в благочестивой христианской семье, обученный в Морском кадетском корпусе и на кораблях Балтийского флота - Павел Степанович получил хорошее начальное домашнее, церковное, и прекрас-

ное военное и светское образование. По Божьей воле, его всегда окружали люди высокообразованные, истинно духовные, искренно исповедовавшие православную веру, любившие свое Отечество. Среди них мы видим не только его родственников, земляков, друзей, воспитателей, начальников и подчиненных. Но часто и тех, кто, не зная его лично, в разных концах России всегда находились рядом с Нахимовым по духу, молились за него у домашних иконостасов, в монастырских келиях и приходских храмах. Как и всякого талантливое, честного и порядочного человека, Павла Степановича окружали завистники, недоброжелатели и даже враги. Проявлялись они и после его кончины, но на фоне людей православных, преданных, истинно верующих, доля их ничтожно мала.

Вся жизнь Павла Степановича столь же ярка и чиста, как и его славная кончина в Восточной (Крымской) войне 1853-1856 годов. Эта война стала тогда глобальным противостоянием соединенных войск Европы и Османской империи против России. В военное и духовное противодействие вступили силы Православия и силы так называемого европейского «просвещения», объединенные не христианскими, а атеистическими идеями. Их главная задача в той войне - заставить Россию отказаться от права покровительствовать православным христианам, подданным султана. Из этого вытекала и политика неперемного уничтожения православных святынь на всех территориях Османской империи, перенесенная оккупационными войсками и в Крым. Справедливо мнение по этому вопросу Владимира Павловича Казарина: «Инспирированный Францией двухлетний спор с Россией о «святых местах» закончился тем, что в январе 1853 года ключи от Вифлеемского храма (церковь Яслей Господних) и Иерусалимского храма (церковь Гроба Господнего) были демонстративно с большим шумом отняты у православной общины, которой они традиционно принадлежали, и под давлением Парижа переданы турецкими властями Палестины католикам. Этот акт был совершен в стране, в которой православие исповедовало подавляющее большинство подданных. Нетрудно себе представить реакцию на эти события не только внутри Османской империи, но и за ее пределами, в первую очередь, в православных странах. Было грубо и публично нарушено закрепленное договорами право России на покровительство православных в Турции. ... Не случайно она (Крымская война) получит также другое название – «битва за Ясли Господни». Позже император Александр II сказал о русских войсках, сражавшихся в Крыму: «С неодолимым мужеством, с самоотвержением достойным воинов-христиан, они поражали врагов или гибли, не помышляя о сдаче...».

Детство.

Павел Степанович Нахимов родился 23 июня (6 июля по новому стилю) 1802 года в сельце Городок Вяземского уезда Смоленской губернии. В этот день Церковь совершает празднование в честь Владимирской иконы Божией Матери, в память спасения города Москвы от нашествия хана Ахмата в 1480 году. Находясь под Ее незримым покровом, позже Павел не случайно избрал путь воина, защитника Православия. Вслед за Владимирским образом, 24 июня (7 июля) следует праздник Рождества честного славного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Как и святой Иоанн Предтеча, Павел всегда сохранял твердость в вере до самой смерти. Младенца крестили на пятый день по рождению, накануне празднования святым славным и всехвальным апостолам Петру и Павлу, 27 июня (10 июля). В Смоленском архиве сохранилась запись в метрической книге за 1802 год, Смоленской епархии Вяземского уезда села Спас-Волжинского, церкви Спаса Нерукотворного Образа с приделом в честь иконы Одигитрии Пресвятой Богородицы: «Числа 23. Месяца июня. Сельца Городка у господина майора Степана Михайловича сына Нахимова з женою ево Феодосию Ивановую родился сын, Павел, крещен священником Георгием Авсяниковым 27 числа, а при крещении ево восприемники были господин Сычевской округи подпорутчик Николай Матфеев сын Нахимов да девица Анна Степановна дочь Нахимова». Младенца нарекли в честь апостола Павла, совершавшего длительные миссионерские морские путешествия и пренебрегавшего всеми опасностями во имя Христово. Примечательно и то, что 29 июня (12 июля) в день его небесного покровителя, апостола Павла, Церковь совершает празднество и Касперовской иконе Пресвятой Богородицы. В Крымскую войну, в Херсонской епархии, по общему верованию, ее заступничеством был спасен город Одесса от разрушительной бомбардировки соединенного неприятельского флота. В самые трудные месяцы ожесточенных боев, Касперовский образ приносился в Александро-Невский собор Симферополя для благословения защитников Крыма.

В доме родителей Павел прожил только до середины 1813 года. Необходимость жить всегда по заповедям Господним и по совести, хранить честь рода и русского дворянина, заложенную в семье, он пронес через всю жизнь. Особая заслуга в духовно-нравственном воспитании Павла лежит на его матери Феодосии Ивановне. Она скоропостижно скончалась 12 февраля 1818 года, в дни его выпуска из Морского корпуса. Погребли ее в Спас-Волжинском, к юго-западу от храма, где крещен Павел. Отпевание провел протоиерей Василий Соколов, с прочими священнослужителями.

Время смерти и место погребения Степана Михайловича Нахимова в метрических книгах не отражено. По одной из версий, после передачи земель в Городке детям, отец Павла переселился в Бельский уезд Смоленской губернии. Здесь в родовом имении Воскресенское-Щербатовщина, в усыпальнице под Никольским приделом Преображенского храма нашли упокоение его родители Мануил и Стефанида. Существует и другая версия, пока не подтвержденная документально, что Степан Михайлович ушел в один из монастырей (возможно в Оптину Пустынь, поблизости от которой жили его родственники).

Место рождения П.С. Нахимова.

До сих пор встречаются издания, в которых, несмотря на существующий, и неоднократно опубликованный, подлинный документ 1802 года (метрические книги) приводимый выше, вместо сельца Городок, указывается другой населенный пункт Смоленской губернии (области).

В 2003 году в Санкт-Петербурге Российским Государственным архивом Военно-Морского флота подготовлена книга в двух томах «П.С.Нахимов. Документы и материалы». Она вышла под научной редакцией директора архива, доктора исторических наук В.С. Соболева. В ней, в первом томе, на с. 27 читаем: «Важнейшие даты жизни и деятельности П.С. Нахимова. 1802 г. 23 июля (5 июля по новому стилю). Родился в селе Волочок, Вяземского уезда, Смоленской губернии (ныне село Нахимовское, Андреевского района Смоленской области)». В том же первом томе книги «П.С.Нахимов. Документы и материалы» на с. 27 приводится запись из метрической книги, где правильно указаны сельцо Городок и село Спас-Волженское, Вяземского уезда Смоленской губернии, как места рождения и крещения П.С. Нахимова. Там же на с.36 опубликована фотокопия подлинного документа, хранящегося в Государственном архиве Смоленской области.

В книге «Собор Святого Равноапостольного князя Владимира – усыпальница выдающихся адмиралов Российского Императорского Флота», подготовленной Музеем героической обороны и освобождения Севастополя, изданной в Симферополе в 2004 г. на с. 153 читаем: «Нахимов Павел Степанович (23.06 (5.07).1802 г., с. Волочек Вяземского уезда Смоленской губ., ныне с. Нахимовское Андреевского района Смоленской области – 30.06 (12.07) 1855., г. Севастополь)», то есть та же ошибка, что и в выше приведенном издании.

Подобные недоразумения встречались и ранее. В «Советской военной энциклопедии», вышедшей в 1978 году в Москве, под общей редакцией Маршала Советского Союза Н.В. Огаркова, в пятом томе на с. 532 указано: «Нахимов Павел Степанович (23.6 (5.7) 1802, с. Городок Вяземского уезда Смоленской губ., ныне с. Нахимовское Андреевского района Смоленской обл., - 30.6 (12.7) 1855, Севастополь), русский флотоводец, адмирал»...!?

Составители энциклопедии соединили два населенных пункта находящихся друг от друга на расстоянии около семидесяти километров.

Подробно и исторически верно о месте рождения П.С. Нахимова изложено в книге смоленского краеведа И.Н. Беляева «Адмирал Нахимов и Смоленский край».

Морской корпус.

В августе 1813 года Павла Нахимова приняли кандидатом на вакансию в Морской кадетский корпус в Санкт-Петербурге. В июле 1815 года его определили в кадеты корпуса и тогда же произвели в гардемарины. После двух лет учебы, под началом преподавателя корпуса, лейтенанта князя Сергея Александровича Ширина-Шихматова, вместе с другими двенадцатью гардемаринами Павел Нахимов в 1817 году на бриге «Феникс», совершил учебное плавание по Балтийскому морю. С 13 мая по 17 сентября бриг «Феникс», под командованием лейтенанта П.А. Дохтурова, выйдя из Кронштадта, посетил Роченсальм, Свеаборг, Ригу, Стокгольм, Карлскруну, Копенгаген и Ревель.

Все учащиеся Морского корпуса проходили морскую практику, и эта информация была бы обычной, если не учитывать, что С.А. Ширинский-Шихматов – это будущий иеромонах Аникита, известный подвижник Святой горы Афон.

Он родился в 1783 году в сельце Дерново, Вяземского уезда, Смоленской губернии, расположенном на старом Бельском тракте, в нескольких верстах от усадьбы родителей П.С. Нахимова. Воспитанный в благочестивой семье, он с детских лет посещал Никольский храм в селе Соловицы. В 1796-1800 годах Сергей Александрович обучался в Морском кадетском корпусе в Санкт-Петербурге. В 1800 году после произведения в мичманы его назначили в число сотрудников Морского ученого комитета. В 1804-1827 годы, в период службы преподавателем в Морском кадетском корпусе, большую часть своего денежного содержания Сергей Александрович постоянно жертвовал на благотворительные дела. В его биографии читаем: «К нему обращались за помощью все, кто в ней нуждался, и ни один нищий, сирый и убогий не возвращался от него недаренным. Жизнь он вел, можно сказать ино-

ческую в мире: пищу употреблял только постную, и то однажды в день; пил только воду; спал не более пяти часов в сутки; знакомств никаких не вел и жил отшельником; все свободное время он посвящал молитве, чтению священных книг, благочестивым размышлениям. Нравственные качества его были недостижимо высоки: он ненавидел всякую неправду, возмущался одним внешним лоском людей, под которым нередко скрывается лицемерие и беззаконие». Особой любовью и доверием Сергей Александрович пользовался у своих учеников. «Исполняя с трогательной заботливостью обязанности воспитателя, он был нежнейшим отцом вверенных его попечению воспитанников. ...При отличном образовании, он свободно владел тремя новыми и обоими классическими языками, а по глубокому знанию славянского, считался в числе лучших современных филологов».

В одном из своих стихотворений, первой половины XIX века, Сергей Александрович писал:

*Под холодной, северной звездой
Рожденные на белый свет,
Зимую строгую, седую,
Лелеяны от юных лет,
Мы призрим роскошь иностранну,
И даже более себя
Свое Отечество любя,
Зря в нем страну обетованну,
Млеко точащую и мед,
На все природы южной неги,
Не променяем наши снега
И наш отечественный лед.*

В период преподавания в Кадетском корпусе Ширинский-Шихматов написал и издал несколько литературных произведений: поэму «Пожарский, Минин, Гермоген или спасенная Россия» (1807 г.); «Песнь Российскому слову» (1809 г.); поэму «Петр Великий» (1810 г.); «Возвращение в Отечество любезного брата» (1810 г.); «Ночь на гробах» и «Песнь Россу» (1812 г.); «Ночь на размышления» (1814 г.); «Совещание с друзьями» (1815 г.); «Песнь сотворившему вся» (1817 г.); «Переложение стихир в честь Божией Матери» (1821 г.); «Иисус в Ветхом и Новом Заветах» (1824 г.). Все они имели религиозно-нравственное направление, отличались глубиной мысли и образностью. За успехи в этой деятельности Сергей Александрович награждался императором Александром I и Академией наук. Под его благотворным влиянием в годы учебы находился и юный Павел Нахимов.

После выхода в 1827 году в отставку в чине капитана второго ранга, в 1828 году князь С.А. Ширинский-Шихматов поступил в Новгородский Юрьевский монастырь, находившийся под управлением известного архимандрита Фотия (Спасского; 1792-1838 гг.). В 1830 году Сергея Александровича постригли в монашество с именем Аникита. В том же году его рукоположили в иеродиакона и иеромонаха. В 1834-1836 годы иеромонах Аникита совершил паломничество в Константинополь, на Святую гору Афон, на Кипр, в Иерусалим и другие святые места Палестины. По пути на Святую Землю, в 1834 году, он останавливался в Воронеже. В нем, по просьбе архиепископа Антония (Смирницкого; 1773-1846 гг.), Ширинский-Шихматов составил житие святителя Митрофана Воронежского, который широко почитался с XIX века на родине П.С. Нахимова. Иконы святителя можно увидеть во многих сельских домах этих мест и сейчас.

В июне 1835 года иеромонах Аникита впервые посетил Афон. Он жил в Ильинском скиту, в бывшей келии преподобного Паисия (Величковского; 1722-1794 гг.). В 1836 году он вновь прибыл на Афон, где поступил под начало иеросхимонаха Арсения, известного подвижника и духовника. В Ильинском скиту на средства иеромонаха Аникиты заложил храм в честь святителя Митрофана Воронежского. В 1836 году его назначили настоятелем Русской посольской церкви в Афинах, где он и скончался в 1837 году. В 1840 году его благочестивые останки перенесли в Митрофаниевский храм Ильинского скита на Афоне. До 1875 года они находились под спудом, а затем положены открыто.

Выпускные экзамены в Морском корпусе связали Павла Нахимова с еще двумя известными людьми Русской Церкви.

Митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Амвросий (Подобедов), известный своей особой заботой о развитии духовного просвещения в России, 31 января 1818 года направил письмо директору Корпуса Карцеву Петру Кондратьевичу о впечатлении, произведенном выпускниками на экзамене по Закону Божьему. В нем он отмечал: «... Хотя я и не имел удовольствия лично сам быть на экзамене в Законе Божиим унтер-офицеров и гардемарин Морского кадетского корпуса, приготовленных к выпуску во флот в офицеры, но присутствовавший при оном по поручению моему преосвященный Филарет, епископ Ревельский, донес мне, что наставления в Законе Божиим преподаны тщательно, испытание было непринужденное, ответы воспитанников на вопросы законоучителя большей частью удовлетворительны и на некоторые вопросы им, преосвященным предложенные, ответствовано правильно и свободно, и вообще довольно видимо было доброе расположение воспитанников, о чем и извещено Ваше превосходительство». Митрополит Амвросий (в миру Андрей Иванович Подобедов) родился

в 1742 году в городе Стогове Владимирской губернии. С 1757 года он обучался в семинарии Троице-Сергиевой лавры. В 1768 году Андрея Ивановича постригли в монашество. Вскоре его отправили преподавателем в Московскую славяно-греко-латинскую академию, где с 1774 года он служил в должности ректора и был настоятелем Заиконоспасского монастыря в сане архимандрита. В 1778 году, в Троице-Сергиевой пустыни под Санкт-Петербургом, его хиротонисали во епископа Севского. В 1781 году владыку Амвросия перевели на Крутицкую кафедру, а в 1785 году на Казанскую и Симбирскую епархию, с возведением в сан архиепископа. С 1799 года высокопреосвященнейший Амвросий управлял Санкт-Петербургской, а с 1801 года и Новгородской епархией. Скончался он в 1818 году и погребен в Софийском соборе Новгорода.

По состоянию здоровья митрополит Амвросий не смог присутствовать на экзамене. И как видно из письма владыка направил в Корпус своего викария, епископа Ревельского, Филарета (Дроздова), будущего митрополита Московского и Коломенского. Святитель Филарет – один из образованнейших людей XIX века. Современники отмечали «... всеобъемлющий, глубокий, сильный, строго дисциплинированный ум этого иерарха, его необыкновенную проницательность, мудрость, памятьливость, ... опытность в делах, всякого рода, замечательный во всем такт, ... непоколебимость убеждения, твердость воли и строгую последовательность мышления». Его влияние сказывалось не только в церковных делах, но и во всей русской общественной жизни.

Святитель Филарет (в миру Дроздов Василий Михайлович) родился в 1782 году в городе Коломне Московской губернии. В 1791-1803 годах он учился в Коломенской и Троицкой духовных семинариях. В 1808 году его постригли в монашество и рукоположили в иеродиакона. В 1809 году его рукоположили в иеромонаха. С 1812 года он служил на должности ректора Санкт-Петербургской духовной академии. В 1816 году архимандрита Филарета назначили настоятелем Московского Новоспасского монастыря. В 1817 году его хиротонисали во епископа Ревельского, викария Санкт-Петербургской епархии. В 1819 году владыку Филарета возвели в сан архиепископа и перевели на Тверскую кафедру. В 1820 году его назначен на Ярославскую и Ростовскую епархию. С 1821 года он служил на Московской и Коломенской кафедре. В начале двадцатых годов XIX века архиепископ Филарет составил известный «Христианский Катехизис Православных Кафолических Восточных Греко-Российских Церкви», на основе которого в 1829 году издан «Катехизис для воинов» - «изречения Священного Писания с размышлениями, для употребления в военных училищах», широко использовавшийся при подготовке офицеров Российской армии. В 1826 году высокопреосвященного Филарета возвели в сан митрополита.

В 1854 году, во время Крымской войны, большое впечатление на патриотически настроенную общественность Санкт-Петербурга и Москвы произвела его «Беседа к сердобольным вдовам, избранным для попечения о раненных и больных воинах действующей армии». 9 сентября 1855 года, обращаясь к воинам Стрелкового полка Императорской Фамилии, митрополит Филарет говорил: «С утешением видим Вас, идущих на защиту Отечества. Исполняете священный долг, и тем лучше исполняете, что на сей подвиг, Вас вызвала свободно Ваша добрая воля и любовь к Царю и Отечеству. Тем паче благословит Вас Бог, любящий добровольные жертвы; тем более признательно будет Вам Отечество, если подвиг, так ревностно начатый, столь же ревностно продолжите и совершите». Эта короткая цитата из проповеди святителя хорошо передает общий духовный настрой того времени – для встающего на защиту своего Отечества никогда «не оскудеет дивная помощь Божия». Скончался высокопреосвященный Филарет в 1867 году. В 1994 году он причислен к лику святых Русской Церкви.

Сведенный по Божьей воле с митрополитом Филаретом на выпускных экзаменах, впоследствии Павел Степанович получал под свое начало офицеров, воспитанных на его «Катехизисе», проповедях и духовных произведениях. К нему и его подчиненным хорошо подходят слова, сказанные владыкой в одной из своих «Бесед»: **«Тот истинно воин непобедим, которому венец мученичества за Веру, Царя и Отечество также любезен, как и венец победы».**

В сводной экзаменационной ведомости от 4 февраля 1818 года записано: «Унтер-офицеры из первых лучших. ...6. Павел Нахимов. ...Законом Божию ...очень хорошо и довольно знает». Соответственно и по остальным двадцати одному предмету оценки только «весьма хорошо» и «очень хорошо». В графе иностранные языки особо отмечено: «по-французски говорит, переводит и сочиняет хорошо».

Клятвенному обещанию (присяге) выпускников Корпуса, данному и подписанному в феврале 1818 года, Павел Степанович остался верным на протяжении всей своей жизни. Вместе со своими сокурсниками он торжественно зачитал такие слова: **«...обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием, что хочу и должен ... поверенный и положенный на мне чин ...надлежащим образом по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать, ... и как пред Богом и судом Его страшным в том всегда ответ дать могу, как суще мне Господь Бог душевно и телесно да поможет».**

Нахимов твердо помнил, всегда и везде внушал своим подчиненным, показывал на личном примере, что на присяге основана и воинская мораль. Согласно ей - нельзя применять оружие против мирных жителей, причинять им обиды; необходимо быть милосердным к пленным и раненым неприятелям; при любых обстоятельствах строго соблюдать дисциплину и чинопочитание; всячески охранять и поддерживать воинскую честь. В силу общественной необходимости защиты от неприятеля с каждого воина частично снимается запрет «не убий». В своих приказах и распоряжениях Павел Степанович неоднократно напоминал подчиненным о строгом, неукоснительном соблюдении Устава воинской службы, о почтительном отношении к форменной одежде, то есть о тех элементах, которые общество ввело для снижения опасности от ослабления этой заповеди.

После сдачи выпускных экзаменов, гардемарина Павла Нахимова 20 января 1818 года произвели в унтер-офицеры, а 9 февраля в мичманы с назначением во 2-й флотский экипаж. Вместе с ним эти звания получил и его близкий друг Михаил Рейнеке. Из его дневников и писем которого мы знаем подробно о некоторых эпизодах из жизни П.С. Нахимова.

Михаил Францевич Рейнеке родился в 1801 году на мызе Гротгузен-гоф, Венденского уезда Лифляндской губернии в имени своего отца. По окончании Морского корпуса он много лет занимался практической гидрографией, в составе нескольких экспедиций, производя промеры морей, описания берегов и прочее. Он участвовал в исследованиях Белого моря, Мурманского берега Баренцева моря и Финского залива. В 1833-1834 годах Михаил Францевич составил и издал «Атлас Белого моря и Лапландского берега», а в 1843-1850 годах текст к нему «Гидрографическое описание северного берега России». По инициативе Рейнеке в Архангельске и Кемь основали шкиперские курсы, построили первые маяки в Белом море. В 1833-1852 годах он руководил отрядами судов проводивших гидрографические работы в Финском заливе. Из ежегодных отчетов Рейнеке составил «Обзор съемки и промера Балтийского моря с 1828 по 1843 годы». С 1838 по 1850 годы, состоя в должности начальника отделения в гидрографическом департаменте, Михаил Францевич участвовал в издании «Записок Гидрографического Департамента».

В 1853-1854 годах в чине генерал-майора, находясь в Крыму, он осмотрел портовые учреждения Николаева и Севастополя. Здесь он поддерживал самые тесные отношения с Павлом Степановичем Нахимовым. В 1855 году по возвращении в Санкт-Петербург, Михаил Францевич в чине контр-адмирала возглавил Морской ученый комитет. В том же году его произвели в вице-адмиралы и назначили директором Гидрографического департамента, инспектором Корпуса флотских штурманов. Также он про-

должил свою деятельность и на посту председателя Морского Ученого Комитета. С 1856 года он избран членом Императорского Русского Географического Общества, а с 1856 года членом-корреспондентом Императорской Академии Наук. Скончался Михаил Францевич в 1859 году в городе Франкфурте-на-Майне.

Архимандрит Леонид.

Из рода Нахимовых происходил известный церковный деятель, историк, автор многочисленных исследований по истории монастырей и церквей Центральной России архимандрит Леонид (в миру Лев Александрович Кавелин). Он родился 22 февраля 1822 года в родовом имении – в сельце Грива, Козельского уезда, Калужской губернии, в имении отца, в нескольких верстах от знаменитой Козельской Введенской Оптиной пустыни. Его родителями были - Мария Михайловна (урожденная Нахимова), двоюродная сестра Павла Степановича Нахимова (памятник на месте её захоронения в Оптиной пустыни восстановлен в 2007 году) и Александр Александрович Кавелин, участник Отечественной войны 1812 года, штаб-ротмистр Гродненского гусарского полка. Младенца Льва крестили в Спасской церкви села Спас-Волжинского Вяземского уезда. Восприемниками при этом были Степан Михайлович Нахимов (отец адмирала) и подпоручица Екатерина Михайловна Нахимова, а также офицер морского флота Андрей Михайлович Нахимов и подпоручица Анна Степановна Воеводская, крестная мать и родная сестра Павла Степановича.

Лев Александрович учился в Калужской гимназии, а затем в 1-м Московском кадетском корпусе, который окончил с отличием в 1840 году. По воспоминаниям современников, «...еще в корпусе начали ясно обозначаться черты того духовного настроения, которое определило всё последующее содержание его жизни: религиозность и склонность к учено-литературным занятиям». Военную службу проходил в лейб-гвардии Волынском полку в городе Ораниенбауме под Санкт-Петербургом (ныне г. Ломоносов). В 1840 годы в журналах «Маяк» и «Иллюстрации» опубликованы несколько его ранних историко-литературных, археологических и этнографических очерков.

В свободное от службы время молодой офицер кропотливо изучал Священное Писание и творения отцов церкви, часто предавался размышлениям о сущности и тленности земного бытия. Во время посещения Оптиной пустыни, он проводил многие часы в беседах с начальником монастырского Иоанно-Предтеченского скита преподобным старцем Макарием (в миру Михаилом Ивановичем Ивановым; 1788-1860 гг.). Здесь он познакомился и с известным славянофилом Иваном Васильевичем Киреевским (1806-1856 гг.). Постепенно Кавелин пришел

к решению - уйти с военной службы. В 1852 году он вышел в отставку в чине капитана и поступил в число послушников Оптиной пустыни. В стенах обители, пользуясь богатой библиотекой, он начал глубоко изучать историю монашества. Проживая за монастырскими стенами, послушник Лев, слышал о славных подвигах защитников Крыма и Севастополя и горячо молился за них. Дело защиты Православия от иноверцев, за которое погиб его дядя, адмирал Нахимов, он продолжил на поле борьбы духовной. По прохождении длительного иноческого искуса под строгим руководством старцев пустыни, в 1857 году его постригли в монашество с наречением имени Леонид, 20 октября того же года рукоположили в иеродиакона, а 29 октября в иеромонаха. Господь устроил так, что несколько лет он служил именно в тех местах, из-за которых и началась Восточная (Крымская) война 1853-1856 годов. В ноябре 1857 года иеромонаха Леонида назначили членом Российской духовной миссии в Иерусалиме, где он прослужил два года под началом преосвященного Кирилла (Наумова; 1823-1866 гг.), епископа Мелитопольского. В 1859 году он посетил святую гору Афон, после чего вернулся в Оптину пустынь, где, как и ранее много времени посвятил историко-археологическим изысканиям. Среди его многочисленных литературных работ выделяется статья на военную тему «Мнение по вопросу о преобразовании морских учебных заведений», напечатанная в 1860 году в сборнике «Замечания разных лиц на проект преобразования морских учебных заведений», изданном адмиралом Е. В. Путягиным. В Оптиной пустыни за алтарем придела преподобного Пафнутия Боровского Введенского соборного храма погребена его мать Мария Михайловна, урожденная Нахимова, скончавшаяся 23 августа 1860 года. В сан архимандрита Кавелин был возведен в 1863 году. Тогда же он назначен начальником Иерусалимской миссии. В 1865 году указом Священного Синода архимандрита Леонида перевели в Константинополь настоятелем церкви при русском посольстве. В 1866 году его вновь послали начальником в Иерусалимскую миссию.

С 1869 по 1877 годы он был настоятелем ставропигиального Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря в Московской епархии, а затем назначен наместником Троице-Сергиевой лавры. Архимандрит Леонид скончался в 1891 году, и его погребли в стенах лавры.

Георгиевский монастырь.

На кораблях, во флотских экипажах и гарнизонах Черноморского флота с начала XIX века богослужение совершали иеромонахи Балаклавского Георгиевского монастыря, расположенного в окрестностях Севастополя. По долгу службы, со времени перевода Нахимова на Черноморский флот, с настоятелем этой обители митрополитом Агафангелом (Табальдо) и ее насельниками был связан и Павел Степанович.

Георгиевский монастырь - один из древнейших в Крыму, находится к югу от города, у мыса Фиолент, на высоком плато и террасированном склоне прибрежных скал. Он основан на месте чудесного спасения от шторма греческих мореплавателей в 891 году. Найденный ими образ Святого Великомученика Георгия перенесли в расположенный рядом древний пещерный храм, относящийся к IV веку. Долгое время монастырь находился в ведении Константинопольского Патриархата. В 1794 году его перевели в подчинение Святейшего Синода. После закрытия в 1929 году его храмы, корпуса использовались воинскими подразделениями Черноморского флота. В 1993 году возрождающейся обители, входящей в Симферопольскую епархию, передали часть территории.

С первых дней своего основания, Георгиевский монастырь привлекал в свои стены не только мирян храмами, святынями и живописными видами на море, но и военных своим удобным, стратегическим местоположением. Ни один корабль, шедший в Балаклаву или Севастополь, в этой части прибрежных вод, не мог остаться незамеченным. В XIX веке здесь организовали пункт наблюдения Черноморского флота. С 1806 года в штат Георгиевского монастыря ввели тринадцать иеромонахов для службы на кораблях. С 1813 года решением Святейшего Синода их число увеличили вдвое, и монастырь стал именоваться флотским. С тех пор, вплоть до его закрытия в 1920 годы, жизнь насельников обители нераздельно связана с морской службой. В мирное и военное время иеромонахи Георгиевского монастыря совершали богослужение, исповедовали и причащали офицеров и матросов, напутствовали тяжело больных Святыми Таинами. В случае необходимости они помогали врачам при перевязке раненых. В то же время, они всегда твердо соблюдали один из параграфов инструкции «Пунктов об иеромонахах, состоящих во флоте»: «...большие ни в какие дела не вступать, ниже, что по воле и пристрастию своему затевать».

В 1824-1854 годах Георгиевским монастырем управлял грек, митрополит Агафангел (Табальдо). Он родился в 1773 году в городе Аргостолионе на острове Кефалиния, самом крупном из Ионических островов Средиземного моря. Образование он получил в духовных учебных заведениях острова Кефалиния. В возрасте девятнадцати лет митрополит Иоаникий Кефалинийский постриг его в монахи. В 1804 году иеромонаха Агафангела возвели в сан архимандрита и направили экзархом в Валахию и Молдавию от Константинопольского Патриархата. В 1808 году его хиротонисали в сан митрополита и направили в Сирию на Трипольскую кафедру. В 1815-1822 годах он проживал на островах Корфу и Кефалиния. В 1821-1822 годах, в период подавления турками греческого восстания, митрополит Агафангел покинул острова и поселился в Венеции, где в декабре 1822 года он встретился с российским императором Александром I. В 1824 году, после кончины митрополита Новопарско-

го Хрисанфа, настоятеля Балаклавского Георгиевского монастыря, по благословению императора Александра I, его назначили в эту обитель. Здесь митрополит Агафангел во славу Бога и России прослужил тридцать лет. В 1854 году, по состоянию здоровья, он покинул монастырь. Скончался митрополит Агафангел около 1856 года. Место его погребения неизвестно.

Главное внимание владыка Агафангел уделял достойной духовной, служебной и нравственной подготовке порученных ему Синодом иеромонахов и священников, что неоднократно отмечалось в их аттестатах, приказах и письмах офицеров Черноморского флота. При нем, в летние месяцы, в отдельно устроенном домике, часто останавливался командующий Черноморским флотом адмирал М.П. Лазарев. Возможно, что на богослужение в обитель приезжали в свободные от службы дни и его ученики - П.С. Нахимов, В.А. Корнилов и В.И. Истомин. Не оставалась без попечения настоятеля служебная и хозяйственная часть обители. В Георгиевском монастыре провели большие работы по благоустройству и расширению территории; отремонтировали старые и возвели новые храмы; построили гостиницу, флигели для офицеров и высшего командного состава флота; обновили жилые и хозяйственные корпуса.

Сохранились несколько писем и служебных бумаг, напоминающих нам о связях Павла Степановича с Георгиевским монастырем. Известно, что на Черноморский флот капитан-лейтенанта П.С. Нахимова перевели 24 января 1834 года по ходатайству М.П. Лазарева. Его назначили командиром строящегося линейного 84-пушечного корабля «Силистрия». «За отличие по службе» 30 августа того же года Павла Степановича произвели в чин капитана второго ранга, и 8 ноября назначили командиром 41-го флотского экипажа. Уже 1 ноября 1835 года Павел Степанович докладывал обер-интенданту Черноморского флота, генерал-майору А.Н. Васильеву о благополучном спуске «Силистрии» со стапелей на воду. По сложившейся православной традиции, перед спуском корабля на воду, совершался «Чин благословения воднаго судна ратнаго, на сопротивных отпускаемого, единаго или многих и благословения воином в них плыти хотящим». В присутствии командира и экипажа нового корабля, служащий иеромонах, или старший по сану священник, служил молебен о победе над врагами и затем освящал корабль. В молитве, кроме прошений избавить воинов от сильных ветров, бурь и излишних волн, возносились просьбы ко Господу «дать им силу, и крепость, и мужество, и победу на враги Креста...», вернуть их «здравых ...и благополучных с победой». 6 декабря 1837 года П.С. Нахимова произвели в чин капитана первого ранга.

12 марта 1841 года Павел Степанович, писал митрополиту Агафангелу в обитель: «Ваше Высокопреосвященство! Милостивое внимание Вашего Высокопреосвященства к моим просьбам, позволяет мне надеяться, что и в нынешнем году для компании на вверенный мне корабль «Силистрия», Ваше Высокопреосвященство, не откажете назначить бывшего в прошлом году священника Иосифа Ревизского, которого усердием и примерной нравственностью я совершенно доволен. Имею честь быть с истинным почтением, Ваше Высокопреосвященство, покорнейший слуга. Павел Нахимов».

19 августа 1841 года Нахимов подписал аттестат для выдачи жалованья иеромонаху Георгиевского монастыря Ксенофону, служившему на «Силистрию» с пятого мая по девятнадцатое августа того же года.

13 сентября 1845 года «за отличие по службе» Павла Степановича произвели в контр-адмиралы и назначили командиром 1-й бригады 4-й флотской дивизии. Накануне Крымской войны, 2 октября 1852 года Нахимова произвели в вице-адмиралы с утверждением в должности начальника 5-й флотской дивизии.

Военный историк, генерал-лейтенант Модест Иванович Богданович, в книге «Восточная война 1853-1856 годов», впоследствии так описал события конца октября, ноября 1853 года: «Перед отбытием из Севастополя Нахимов получил предписание: «отражать неприятеля, но не нападать самому», но 1 ноября пришло новое повеление, и адмирал тотчас передал своей эскадре утешительную весть: «Война объявлена! Отслужить молебен и поздравить команду!». По присоединении, в ночь на 16 ноября, к отряду Нахимова эскадры контр-адмирала Новосильского, на другой день Павел Степанович отдал приказ о своем намерении – атаковать неприятельский флот у Синопа. На всех судах эскадры иеромонахи отслужили «Молебное пение ко Господу Богу, певаемое во время брани против супостатов, находящихся на ны». В те часы, возможно, многие моряки повторили за ними слова прошения из ектеньи: «...не на лук наш уповаем, ни оружие наше спасет нас, Господи, но Твоя всемогущия помощи просим, и на Твою силу дерзающе, на враги наши ополчимся, и имя Твое верно призываем», и слова молитвы: «...а им же судил еси, положити на брани души своя за Веру и Отечество, тем прости согрешения их, и в день праведнаго воздаяния Твоего воздай венцы нетления».

18 ноября 1853 года эскадра судов под командованием вице-адмирала П.С. Нахимова нанесла решительный удар по турецкой эскадре в Синопской бухте и уничтожила ее, тем самым, вписав еще одну славную страницу в историю Российского флота.

22 ноября Севастополь восторженно встречал героев Синопа. А 23 ноября П.С. Нахимов, издал приказ: «Предлагаю завтрашнего числа на всех судах вверенной мне эскадры в 10 часов отслужить благодарственный молебен Господу Богу и потом ожидать моего прибытия на суда. Я хочу лично поздравить командиров, офицеров и команды с победой, благодарить их за благородное содействие моим предложениям и объявить, что с такими подчиненными я с гордостью встречусь с любимым неприятельским европейским флагом». 28 ноября за победу под Синопом Нахимова наградили орденом Святого Георгия 2-й степени большого креста и годовым жалованьем.

Как писал Н.Ф. Дубровин в своей книге «349-дневная защита Севастополя», после Синопа «...Англия и Франция стали рядом с врагами христианства против России. Сбросив с себя всякую личину, наши противники объявили теперь, что несогласие между Россией и Турцией есть дело в глазах их второстепенное, что главная цель их «обессилить Россию, отнять от нее часть областей и низвести Отечество наше с той степени могущества, на которую оно возведено Всевышней десницей».

9 декабря 1853 года Павел Степанович отправил митрополиту Агафангелу письмо, в котором благодарил его за молитвенное участие в этом сражении. Он писал: «Ваше Высокопреосвященство! Принося благоговейную признательность мою и всех сослуживцев моих, участвовавших в битве при Синопе, за святые молитвы Ваши, созданные Господу Богу за дарованную им победу над врагами Отечества нашего, спешу исполнить желание Вашего Высокопреосвященства присылкою списка имен убитых и от ран умерших товарищей наших в этой битве, для принесения молитвы о душах их. При этом осмеливаюсь прибегнуть еще с почтительной просьбою к Вашему Высокопреосвященству о предстательстве молитвами Вашими пред Господом Богом, да окажет он милость свою исцелить раненных и увечных, лежащих на одре страдания. С благоговейным чувством глубокого уважения и совершенной преданностию, поручая себя святым молитвам Вашим, имею честь быть Вашего Высокопреосвященства покорнейший слуга». На нем владыка Агафангел собственноручно оставил помету для братии монастыря: «В первый воскресный день об исцелении раненных и увечных помянуть на проскомидии и во время литургии по правилам Святой Церкви нашей. А об убитых и от ран умерших – в этот же первый воскресный день отслужить собором панихиду за упокой и поминать сорок дней на проскомидии поименно, а на литургии - вообще по Уставу Святой Веры нашей».

В день Крещения Господня, 6 января 1854 года, в своем дневнике Михаил Францевич Рейнеке отметил, что в Севастополе прошли большие празднества. «В 11 часов крестный ход на Иордань, устроенную у Графской пристани на двух шаландах. На крестном ходе, несмотря на ненастье и грязь, был митрополит Агафангел (греческий) 82 лет. Тут по обычаю наших войск освящали знамена, которые были пред тем выстроены при взводах своих на Морской улице от церкви Святого Михаила до пристани. ...В числе сопровождавших этот ход шли за митрополитом Станюкович и прочие генералы в полных мундирах». Торжественен и трогателен был чин «Благословения воинских знамен». Преклонив колено, старшие офицеры целовали освященные знамена, принимали их от служивших священников и становились в строй. Позже, с ними они шли, часто в последний бой; с ними они стояли на укреплениях Севастополя, вспоминая слова молитвы, что будет знамя верному воинству «на сопротивных языки одоление и известная победа», и от них огражденных «хранительством Господа ... в бегство да претворит всех супостатов полки». Этими же знаменами покрывали их тела на смертном одре. В этот день освятили и вновь построенные батареи у Голландии и Киленбалочной бухты. «Первую строил Истомин с командою «Парижа», вторую – команда «Гавриила», третью – команда «Двенадцати апостолов», с добавкою ко всем прочим кораблей. На каждой батарее работало до 400 человек с 10 декабря. ...После этого освящения, где был и Корнилов, все капитаны кораблей и прочих судов рейда обедали у Нахимова на корабле «Двенадцать апостолов» и провели у него время до вечера». По именам кораблей новопостроенные батареи получили названия Двенадцатиапостольская, Парижская, Святославская, и как отмечал Н.Ф. Дубровин «салютовали при обычном освящении знамен на Екатерининской площади».

С началом Крымской войны, в Георгиевском монастыре, для наблюдения за судами, появляющимися в море, в том числе и неприятельскими, находился наблюдательный пункт, с постоянным дежурством штурманских офицеров. С него в Севастополь регулярно посылались сообщения особо установленными дневными и ночными сигналами. Так двадцать восьмого декабря 1853 года из монастыря передали, что накануне вечером видели в море 13 больших иностранных судов. 3 апреля здесь, у южного берега, отметили появление 3 английских винтовых кораблей и 2 фрегатов.

В день Воздвижения Честного Животворящего Креста Господня 14 сентября 1854 года, в храмовый праздник обители, Георгиевский монастырь был оккупирован неприятелем. Целый год и одиннадцать месяцев его насельники находились фактически под арестом, охраняе-

мые небольшим французским отрядом из 15 человек. Им запрещалось покидать стены обители. Все это время в Георгиевском монастыре совершалось ежедневное богослужение под руководством архимандрита Геронтия, принявшего обитель еще до начала боевых действий в Крыму от ушедшего на покой престарелого митрополита Агафангела.

Некоторые из насельников, оставшиеся до начала боевых действий за пределами Георгиевского монастыря, особо прославились при обороне Севастополя. Так иеромонах Иоанникий (Савинов), состоявший на службе при 45-м флотском экипаже, во время сражения за Камчатский люнет 11 марта 1855 года в один из тяжелых эпизодов боя самоотверженно пошел с крестом против французов, вдохновляя своим примером наших матросов и солдат. Иеромонах Никандр, участник Синопского сражения, находившийся тогда на корабле «Чесма», в боях за Севастополь, служил на многих бастионах, являя собой пример славного служения Отечеству.

Участвовали насельники обители и в погребении павших воинов. В середине 1880 годов, в своей книге «Рассказы о севастопольцах» А.Н. Сурпонеv отмечал, что Крымская война уносила тысячи известных и неизвестных героев. «Времени не хватало устраивать для этих жертв погребальные церемонии, не было также средств воздвигать над их общей могилой роскошных надгробных памятников. ...Их хоронили в простых, крашеных гробах; опускали в одну могилу на Северной стороне Севастополя; ставили деревянные, простые кресты. Монах в епитрахили, да несколько товарищей, - вот те, которые сопутствовали севастопольским героям к их последнему жилищу; но зато как горяча, как искренна была заупокойная молитва этих людей». Многие из иеромонахов Георгиевского монастыря, служивших с Павлом Степановичем Нахимовым, пришли проводить и его в последний путь.

Образ Святителя Митрофана.

Известия о выдающейся победе эскадры П.С.Нахимова под Синопом быстро дошли до Санкт-Петербурга, пробудив патриотические чувства во всех кругах столичного общества. Не остались в стороне и лучшие представители Православной Церкви. Настоятель Сергиевой Пустыни, находившейся близ Санкт-Петербурга, архимандрит Игнатий (Брянчанинов) 1 февраля 1854 года направил письмо адмиралу Нахимову. Он писал: «Милостивый государь Павел Стефанович! Подвиг Ваш, которым Вы, и сподвижники Ваши с высоким самоотвержением подвизаетесь за Россию, обратил к Вам сердца русских. Взоры всех устремлены на Вас, все исполнены надежды, что, сама судьба избрала Вас для совершения дел, вели-

ких для Отечества, спасительных для Православного Востока. Не сочтите странным, что пишет Вам русский, не имеющий чести лично быть знакомым с Вами. Примите дружелюбно мои строки, примите присланную при них на благословение Вам от обители Преподобного Сергия икону Святителя Митрофана Воронежского, новоявленного чудотворца. Пред этой иконой братство здешней обители отслужило молебен угоднику Божию и с нею присылает Вам свои усердные молитвы о том, чтобы Святитель Митрофан содействовал Вам к поруганию врагов. Вы спросите: «Почему от обители Преподобного Сергия – икона Святителя Митрофана?». Когда впервые сооружался Черноморский флот в Воронеже по повелению Петра Великого, сюда смею относить основание этого флота, Святитель Митрофан содействовал гениальному царю казною своею в сооружении судов. «Всякий сын Отечества, - сказал Святитель, - должен посвящать остатки издержек своих нужде государственной. Прими же, Государь, и от моих издержек сии оставшиеся деньги и употреби против неверных». При этом епископ Воронежа поднес царю шесть тысяч рублей серебряными копейками. Теперь Святой Митрофан сделался богаче и могущественнее, как свыше облеченный благодатию чудодейства. Да снидет он на помощь к тому флоту, от основания которого он присоединил свои усилия великим трудам Государя! Да снидет он на брань против тех неверных, против которых возбуждал православного царя, и против гордых помощников их. Снишел некогда ангел Господень в войско фараона, дерзнувшее пуститься по дну расступившегося моря вслед за израильянами, помрачил взоры египтян, связал колесницы их невидимою силою, потопил врагов народа Божия водами, возвратившимися в свое лоно. Так и ныне да снидет Святитель Митрофан с ликом прочих святых земли Русской, всегда отличавшихся любовью к Отечеству, да снидет к флотам иноплеменников, да свяжет и оцепенит машины, на которые они уповают, да потемнит их умы, да расслабит и руки их, а Вам дарует победу, которую всех нас принуждена, будет провозгласить чудом. Черное море, море, воскипевшее под ладьями наших предков, когда они, будучи идолопоклонниками, покусились восстать против православного Цареграда, теперь воздвигни столько справедливо гневные волны, устреми их против колоссальных машин Европы, скопивших на водах твоих для поддержания тяжкого ига, под которым стонет православие Цареграда, поработленного последователями Магомета. С нами Бог! Разумейте языцы и покарайтесь! Вы надеетесь на множество тленной мудрости Вашей и потому поучайтесь тщетным. Начинайте начинание несбыточное. Царь наш и мы уповаем на Господа, и силою веры нашей пребудем непоколебимы, и Вам пошлется помощь от

Святого и заступление от Сиона. Живый на небесах посмеется ухищрениям врагов наших, Господь поручается им. Он возглаголет к нам гневом, и яростию своею смятет их. Они падут, и мы восторжествуем. Господи! Спаси русского Царя и воинство его и услышь всю Россию, молитвенно вопиющую Тебе о них и призывающих Твою страшную и непоколебимую силу на нечестивых врагов своих».

Святитель Игнатий (в миру Димитрий Александрович Брянчанинов) – епископ Кавказский и Черноморский, родился в 1807 году в селе Покровском Вологодской губернии. В 16 лет родители отправили его в Санкт-Петербургское Главное военно-инженерное училище, которое он окончил в 1826 году в чине поручика. В 1827 году, оставив военную службу, он поступил в Александро-Свирский монастырь. В 1831 году его постригли в монашество, рукоположили в иеродиакона и иеромонаха. В конце того же года назначили настоятелем Пельшемского Лопотова монастыря, с возведением в сан игумена. В 1833-1856 гг. он был настоятелем Троице-Сергиевой пустыни под Санкт-Петербургом, в сане архимандрита. В 1857 году его хиротонисали во епископа Кавказского и Черноморского (с кафедрой в г. Ставрополе). В 1861 году, по его прошению, он уволен на покой и поселился в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии, где и скончался в 1867 году. Преосвященным Игнатием были написаны книги духовного содержания: «Приношение современному монашеству» и «Отечник». В 1988 году его причислили к лику святых Русской Церкви.

Примечательна предыстория вышеприведенного послания архимандрита Игнатия, отраженная в «Записках» Софьи Ивановны Снесаревой: «У нас война с Турками. Ночью просыпаюсь; мне стыдно спать спокойно, когда мои соотечественники, когда Русские страдают и терпят все бедствия. Битва при Синопе отозвалась в сердце каждого Руссаго. Я была у батюшки Игнатия. Я просила его, нельзя ли послать Нахимову письмо и благословение образом Святителя Митрофана? «Почему же Святителя Митрофана?» спросил он. А потому, что на его деньги Петр I положил основание Черноморскому флоту. Как Воронежская уроженка, я не могла не знать подвиги нашего Угодника. «Если Вы доставите мне исторические факты, то я очень рад исполнить Ваше желание». В Императорской библиотеке отыскала Голикова, переписала все касающееся до этого события и отправила Батюшке. Добрый, милостивый отец! Он заказал образ Святителя Митрофана и прислал мне прочитать письмо, написанное им к Нахимову. Так кратко и так ясно, - тут все было: и сочувствие, и молитва, и благодарность».

Святитель Митрофан (в схиме Макарий; в миру Михаил) - епископ Воронежский, родился в 1623 году. До сорока лет он жил в миру и был женат. Служил священником в селе Сидоровском, недалеко от города Шуя. В 1663 году, после кончины супруги, его постригли в монашество в Золотниковской Успенской пустыни Суздальского уезда. В 1665-1676 годах он был настоятелем Яхромского Косминского монастыря, в 1675-1681 годах Макарьева Желтоводского монастыря. На церковном Соборе 1681-1682 годов его избрали на вновь созданную Воронежскую кафедру. В апреле 1682 года его хиротонисали во епископа Воронежского. Преосвященный Митрофан участвовал в венчании на царство Петра I, затем всячески содействовал ему в создании Российского флота. Для строительства новых кораблей епископ Митрофан передал большую сумму из личных средств. Скончался и был погребен он в 1703 году в Воронеже. В 1831 году обрели мощи, и прославили его в лике святых.

Ответ в Сергиеву Пустынь архимандриту Игнатию был составлен в том же 1854 году, по просьбе, и вероятно под диктовку Павла Степановича. Написан он рукой М.Ф. Рейнеке. «...Не нахожу слов для выражения глубокой признательности моей за внимание, оказанное Вами лично мне и товарищам моим по службе письмом Вашим от 1 февраля и за молитвы Ваши о нас, и за благословение нас от Вашей обители иконою Святого Митрофана Воронежского Чудотворца. Ходатайство Церкви перед Господом Богом об успехах оружия православного Царя нашего подкрепляет дух наш и упование на всесильную святую помощь Господа в защиту Православия. Утешительные слова Ваши тем глубже проникли в души наши, что получены во время приготовления нашего к принятию Святых Таинств. Исполнив этот священный долг христиан, каждый из нас с новыми силами готов вступить в рать драгоценного Отечества нашего. Икона Святителя будет щитом нашим. Это изображение святого лика будет всегда спутником моим на море, и молитвы пред ним – утешением моим в час скорби. Но простите, что и после такого внимания к нам, осмеливаюсь по общему желанию моих сослуживцев, еще утруждать Вас покорнейшею просьбою – молить Господа Бога об упокоении души бывшего начальника и благодетеля Черноморского флота, адмирала Михаила Петровича Лазарева. Его неусыпным трудам и попечениям обязаны мы настоящим воинственным состоянием наших кораблей и бодростью духа, способствовавших при помощи Божией выполнить повеления нашего Царя. Его деятельность, его бескорыстное самоотвержение поныне руководит нами в служебной и в частной жизни. Да упокоит Господь душу незабвенного адмирала Лазарева и позволит удержать силы наши...».

Архимандрит Игнатий в письме к С.И. Снесаревой от 27 марта 1854 года приглашал ее посетить Сергиеву Пустынь. Он писал: «Вам надо пожаловать ко мне, прочитав ответ Нахимова, назидательный своим смирением и благочестием. Это отклик на Ваше смирение и благочестие; водимые ими Вы передали мне Ваше желание послать ему икону Святителя Митрофана, привили мне это желание». Из ее дневника известно, что у себя в обители архимандрит Игнатий «созвал братию, прочитал им письмо, и все вместе вознесли к Богу молитвы за Михаила (Лазарева)».

Позже, в июле 1855 года, получив известие о героической гибели Павла Степановича, с глубоким прискорбием в своих «Записках» она отметила: «Убит Нахимов! Я была у Сергия. ... Там вместе с Россией оплакивали благородного воина, и батюшка Игнатий служил за упокой его души, и долго молились за него».

Прошло несколько лет. В своих молитвах за упокой Софья Ивановна среди имен своих родственников поминала и раба Божьего Павла. И однажды Господь чудесным образом свел ее с человеком, служившим под началом Нахимова, помнившим и чтившим Павла Степановича. Она вспоминала: «... Я ехала в Царское Село с сыном. В вокзале мы увидели молодого моряка на костылях, с подвязанной рукой и перевязанным лицом. Он уронил папироску и не мог поднять ее. Сын мой поднял ее ему. Он сел с нами и всю дорогу рассказывал о Севастополе, о Нахимове. Сам он служил на корабле «Двенадцать Апостолов» и был при Синопе. Нахимова, по словам его, обожал весь флот, каждый матрос видел в нем отца и готов был с ним и в огонь и в воду. Нахимова не любило Высшее Начальство, и жизнь его была грустная. Но после битвы при Синопе он узнал сочувствие своего народа. Со всех сторон России неслись к нему слова любви и благодарности соотечественников. Но ни одно письмо не было ему так приятно, как письмо от знаменитого Архимандрита Сергиевой пустыни Брянчанинова. Вероятно, Вы слыхали о нем. Это письмо так глубоко тронуло его, что он тотчас созвал всех офицеров и прочел им письмо это с глубоким умилением. Образ Святителя Митрофана был поставлен в залу на корабле «Двенадцать Апостолов»; в ту же минуту священник отслужил молебен Воронежскому Чудотворцу, который, как мы узнали из прекрасного письма Архимандрита Игнатия, был основателем нашего флота; - все мы, начиная от Нахимова, усердно поклонились Святителю и приложились к его образу. Нахимов сказал: «Этот образ сохранится здесь, пока будет существовать корабль!». Бывало, идешь мимо, взглянешь на образ и помолишься, и так привыкли, что невольно сама рука поднималась, когда

идешь, и сколько бы раз ни пришлось пройти мимо. Спасибо Архимандриту Игнатию, утешил нашего Адмирала. Я слушала, притаив дыхание: и страшно, и приятно».

Во исполнение слов Павла Степановича, с 1852 года, неоднократно имевшего свой флаг на 120-ти пушечном корабле «Двенадцать Апостолов», при его затоплении в феврале 1855 года в Севастопольской бухте, вместе с вооружением и имуществом перенесли на берег и иконы находившиеся на нем. Среди них был и образ Святителя Митрофана.

После оставления неприятелем Севастополя, его новым «щитом» и «сопутником» многих поколений моряков, стал не только этот образ, но и построенный в 1858 году на Корабельной стороне каменный храм в честь Святителя Митрофана Воронежского.

Он имел необычную форму перевернутого вверх килем корабля. Его восточный и западный фасады, выполненные в виде треугольников, венчали небольшие кресты. Рядом с храмом поставили небольшую колокольню. После закрытия в 1928 году, его передали под клуб Морского госпиталя. В ходе боев за город в 1941-1944 годах он сильно пострадал, и его разобрали. В 1990 годы приход в честь Святителя Митрофана возродили в пристройке возведенной рядом с уцелевшей колокольней.

Известно, что среди икон переданных воинам, оборонявшим Севастополь, 26 июня 1855 года архиепископом Иннокентием (Борисовым) находился еще один образ Святителя Митрофана, присланный из Воронежа. С одной из икон Святителя, вероятно находившейся в дни обороны в Севастополе, произошла следующая история. В 1858 г. в одном из антикварных магазинов Парижа сестры Елизавета и Зинаида Ришар обнаружили и приобрели две иконы – Святителя Митрофана Воронежского и Успения Пресвятой Богородицы. Оба образа имели следы, свидетельствующие о том, что они побывали на местах ожесточенных боев. По возвращению в Россию сестры передали иконы в храм Санкт-Петербургского театрального училища, где они хранились и почитались как чудотворные.

Святитель Иннокентий.

Высокопреосвященный Иннокентий (Борисов), архиепископ Херсонский и Таврический - один из выдающихся церковных иерархов XIX века. Прямых свидетельств о взаимоотношениях его с Нахимовым нет. При жизни Павла Степановича владыка Иннокентий пробыл на этой кафедре несколько лет, неоднократно совершал Богослужения в Севастополе и, вполне вероятно, что они встречались.

Святитель Иннокентий (в миру Иван Алексеевич Борисов) – архиепископ, знаменитый богослов и проповедник. Он родился в 1800 году в Орловской губернии. Образование получил в Воронежском уездном училище, Орловской духовной семинарии и Киевской духовной академии. С 1823 года был инспектором и профессором церковной истории и греческого языка Санкт-Петербургской духовной семинарии, ректором Александро-Невского училища. В том же году его постригли в монашество и рукоположили в иеродиакона и иеромонаха. В 1824 году иеромонаха Иннокентия перевели в Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1826 году его возвели в сан архимандрита, а в 1830 году назначили в Киевскую духовную академию на должность ректора и профессора богословия. В 1836 году его хиротонисали во епископа Чигиринского, викария Киевской епархии. С марта по декабрь 1840 года он служил на Вологодской кафедре. В 1840-1847 годах владыка Иннокентий управлял Харьковской кафедрой. В апреле 1845 года его возвели в сан архиепископа. В 1847-1848 годах он присутствовал в Святейшем Синоде. В феврале 1848 года его назначили на Херсонскую и Таврическую епархию, которой он управлял до своей кончины в 1857 году. Владыка Иннокентий отличался ораторским талантом, обширностью своих знаний и оставил много духовных сочинений. 18 июля 1997 года его мощи обрели на братском кладбище Одесского Успенского монастыря. 13 декабря 1997 года в Успенском кафедральном соборе Одессы, Блаженнейший Владимир, митрополит Киевский и всея Украины, прославил его в лике святых.

После перехода из Харьковской епархии в Херсонско-Таврическую, на новом месте архиепископ Иннокентий приложил все силы для восстановления христианских памятников древней Тавриды и строительства новых храмов. По его благословению и при непосредственном участии в короткий срок возобновили Успенский скит вблизи Бахчисарая. Поставили небольшую церковь в честь равноапостольной княгини Ольги на развалинах Херсонеса. Осветили пещерный храм в честь священномучеников Климента и Мартина в Инкермане, и многие другие святы для русского сердца места.

В годы Крымской войны, владыка Иннокентий не оставался в своем архиерейском доме в Одессе, а как истинный патриот мужественно переносил все тяготы военного времени. Своим живым участием во всех бедствиях войны и благотворным духовным влиянием на воинов он получил особую известность не только в Крыму, но и во всей России. В начальный период военных действий, архиепископ Иннокентий в Страстную седмицу и на Пасху 1854 года вместе со своей паствой пережил бомбардировку Одессы соединенным флотом. В ярких и образных проповедях он вдохновлял, утешал и поддерживал воинов и мирян.

В день празднования Рождества Пресвятой Богородицы 8 сентября 1854 года состоялось кровопролитное сражение русских войск

с неприятелем на реке Альме. После него архиепископ Иннокентий посетил Симферополь. Здесь он совершил молебен в Александро-Невском соборе. И отсюда отправился в Севастополь, где служил в храмах и на площадях, говорил проповеди и речи, окроплял войска святой водой, раздавал иконы, воодушевлял, ободрял и убеждал постоять за Веру и Отечество. Величие духа архиепископа Иннокентия особенно проявлялось при посещении им госпиталей и лазаретов. В них, находящихся часто близко к местам боев, обильно политым кровью, владыка как истинный пастырь, вместе с ранеными воинами переживал скорбь утрат и тяжесть страданий. Он являлся в палаты и блиндажи, как истинный ангел-утешитель страждущих, «не боясь заразы и не отвращаясь от картин, способных потрясти сердце человеческое до самой глубины его».

После молебна на Соборной площади, у Преображенского кафедрального собора в Одессе 7 декабря 1854 года, ставшего напутственным для резервных войск 10-й дивизии, направлявшейся в Крым, владыка Иннокентий обратился к ним с такими словами: «...Итак, с Богом, христолюбивые, на брань праведную и святую! С Богом, победоносные, против врагов злочестивых и коварных! С Богом, братья и друзья, за Веру, Царя и Отечество! В благословение на подлежащий Вам подвиг и в залог помощи свыше, примите от лица нашего храма Господня святую икону Вождя и Архистратига Сил Небесных – Михаила. Под стопами его, как видите, лежит, повержен силой Божией сам дух злобы поднебесной: да повергнутся той же силой пред победоносными знаменами Вашими и злочестивые полчища врагов наших».

В лагерной (походной) церкви Северного укрепления 25 июня 1855 года архиепископ совершил Божественную литургию. В своем слове, обращаясь к воинам, он сказал: «По всему лицу земли Русской нет ни одного сына Отечества, который бы в настоящее время не привитал постоянно мыслью с Вами, мужественные защитники Севастополя, который не скорбел бы Вашими ранами, равно как не радовался бы о Ваших успехах, не хвалился Вашей твердостью. ...Беспримерным мужеством против врагов и долготерпением вашим Вы давно вышли и вознеслись из ряда людей и воинов обыкновенных, - видимо приблизились к знаменитому сонму древних поборников земли Русской, соделались не только любезными, но и священными для всех сынов Отечества. Вы – слава России, утешение ее монарха, радость Святой Церкви, предмет удивления для самих врагов и для всего света!».

Особое, неизгладимое впечатление на защитников Севастополя оказала проповедь владыки Иннокентия, сказанная им на другой день, в воскресенье 26 июня, на Николаевской площади города, в день празднования Тихвинской иконе Божией Матери. Утром, в 6 часов, во временной адми-

ралтейской церкви во имя Архистратига Михаила, построенной на Екатерининской улице, на время возведения собора в честь Святителя Николая началась Божественная литургия. Ее совершил архиепископ Иннокентий в сослужении городского, армейского и флотского духовенства. На богослужении присутствовали – главнокомандующий, князь М.Д. Горчаков, барон Д.Е. Остен-Сакен, адмирал П.С. Нахимов, многие другие офицеры, часть личного состава гарнизона свободная от несения службы.

Каменный храм в честь Архистратига Михаила построили в Севастополе в 1848 году. Он сильно пострадал при обстреле города неприятелем в 1855 году. После проведенных в 1858 году восстановительных работ, с 1859 года существовал как полковая церковь 50-го пехотного Белостокского полка. В 1904 году на его фасаде установили двадцать четыре мемориальные доски со списками частей Севастопольского гарнизона, принимавших участие в обороне города в Крымскую войну. С 1917 года Михайловский храм был гарнизонной церковью Севастопольской крепости. В 1920 годы его закрыли и использовали как читальню. В 1931 году здании бывшего храма сделали Дом санитарного просвещения. По окончании Великой Отечественной войны 1941-1945 годов его восстановили и устроили в нем малый зал Дома офицеров Черноморского флота. В 1968 году его передали музею Черноморского флота. Постоянное богослужение в нем до сих пор не восстановлено, и проводится по специальному разрешению несколько раз в году.

По окончании литургии, при звоне колоколов и гремевшей усиленной канонады, все вышли из храма на площадь, где в 8 часов был отслужен архипастырем молебен с водосвятием. В конце молебна владыка Иннокентий, священнослужители, все воины и горожане преклонили колена, выслушав умилительные слова молитвы. Затем архиепископ с жезлом в руке, вышел перед рядами собранных на площади войск, только что сошедших с бастионов и батарей. Благословляя воинов иконами, присланными из Москвы, Киева, Санкт-Петербурга и других городов Российской империи, призывая на них особое благоволение Божие. Надолго запомнились всем присутствующим на площади одна из наиболее проникновенных частей проповеди архипастыря, обращенной к войскам: «Не поучение говорить Вам мы прибыли сюда. Нет, мы явились учиться у Вас, славные защитники града, учиться, как исполнять заповеди Христа Спасителя: оставь отца, мать твою и дом твой, возьми крест и гряди по Мне! Впредь, поучая паству свою, мне не надо искать далеко примеров добродетели; я скажу ей: иди в град сей и поучись у первого встречного из братий твоих, защитников Веры и месте, откуда впервые разлилось Православие на Родину нашу... пади там ниц – место бо сие свято есть». Что еще можно было сказать лучше, чем одарить славных защитников Севастополя, больше, чем

этим изящным словесным венком, переданным владыкой Иннокентием всем живым и в память о павших героях города. Позже, в 1876 году, это событие было отражено на литографии С. Орлова «Молебен в Севастополе по случаю передачи святых икон из Киева, Воронежа и Москвы защитникам крепости. 26 июня 1855 г.», отпечатанной в Москве.

Встречая Смоленское ополчение, прибывшее в Крым с родных мест Павла Степановича, 24 сентября 1855 года, по окончании молебна преосвященный Иннокентий, обращаясь к воинам, говорил: «Храбрые ратники Смоленского ополчения! Исходя во сретение Вам, мы сраем в лице Вашем не один древний Смоленск с верховьями нашего Днепра, а можно сказать, всю древнюю и великую Россию, которая так доблестно восстала и подвиглась на защиту России Новой. ... Смоленск никогда не постыжал собою Россию, и в упоминаемую нами годину (1812 г.) искушения первый подал пример и показал, что может ожидать врага, нагло вторгшегося в середину земли Русской. А наш Севастополь, смеем думать и сказать, показал и доказал пред всем светом, что по прошествии четырехдесяти лет от событий смоленских грудь русская не разучилась быть живой стеной для Отечества, и что эта стена не слабее железа и гранита».

Тяжелые переживания в войну, труды по восстановлению разоренной епархии подорвали здоровье владыки Иннокентия и 26 мая 1857 года в праздник Живоначальной Троицы, он скончался, ненадолго пережив Павла Степановича.

Впоследствии высокопреосвященнейший Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский дал яркую характеристику образа преосвященного Иннокентия в период Крымской войны. «Его геройское истинно-христианское мужество и присутствие духа...; его торжественные службы и вдохновенные речи ... в эти страшные дни; его путешествие в Крым, где старался он словом веры и упования успокоить и подкрепить злосчастных обитателей страны; его священнослужения и речи в самом Севастополе посреди громов войны, - все это озарило имя Иннокентия славою высокога патриота и великаго пастыря Церкви, исполненнаго самоотвержения и любви, готоваго положить за свою паству, или вместе с нею, собственную душу».

Образ Святителя Николая.

Среди других икон, бывших в каюте Нахимова на его флагманском корабле и у него лично, особое место занимал образ Святителя Николая. Появление его связано с письмом неизвестного почитателя, военных заслуг Павла Степановича.

В своей книге Н.Ф. Дубровин отмечал, что после победы под Синопом «Россия ликовала. Все кому только дорога слава Отечества, заявляли свой восторг и удивление подвигу П.С. Нахимова и его сподвижников, моряков Черноморского флота. Истинно русские люди, скрывая свое имя, посылали Павлу Степановичу лики святых, и в их числе образ Николая Чудотворца, как бы благословляя тем доблестного адмирала на будущие подвиги».

По воспоминаниям М.И. Богдановича: «Павел Степанович, ...получив от какого-то посетившего Иерусалим, образ Николая Чудотворца, с советом снять с него две копии, одну в большом виде для своей каюты, а другую – в малом, для ношения на груди, был очень обрадован подарком и немедленно исполнил желание неизвестного почитателя».

24 марта 1854 года Павел Степанович отправил послание М. Ф. Рейнеке. Он писал: «...Посылаю тебе письмо, присланное мне от неизвестного с изображением святого угодника Николая Чудотворца. Прочти его и пособи мне привести в исполнение, то есть позови золотых дел мастера и поговори с ним, не может ли он сделать образок с этим изображением в уменьшенном виде. Я бы носил его на груди, а большой грудной образ, не напишешь ли к Стодольскому, чтоб приказал в Суздале с этого рисунка снять копию, и прислал бы сюда. За работу и перешлю деньги. Во всяком случае, любезный Миша, если золотых дел мастер не возьмется сделать образок, то купи мне в лавках с изображением Николая Чудотворца, освяти его и пришли мне. «...Мне бы хотелось отдать военный приказ по эскадре, в котором высказать в кратких и веских словах, что это война священная, что я уверен, что каждый из подчиненных горит нетерпением сражаться с врагами Православия, что павшего в бою ожидает бессмертие, за которое будет молиться Церковь и все Православие, победившего – вечная слава и, наконец, сами летописи скажут потомкам нашим, кто были защитники Православия!».

Старинным, принужденным почерком, неизвестный, и видимо пожилой человек писал: «Великий адмирал, победитель при Синопе! Посылаю тебе снимок с чудотворной иконы великого угодника Божия Николая Чудотворца. Прикажи с того великого угодника снять две иконы точно так, как здесь изображено: одну маленькую, которую носи на груди, а другую большую и, освятивши их, отслужи молебен и поставь большую икону на корабле и со всеми тебе подчиненными молись с верою этому великому угоднику. Он даст тебе силу, и крепость, и победу на врага рода христианского. Без него ни твой ум, ни твоя храбрость не защитят тебя. Этот угодник Божий творил и творит великия чудеса на море и на суше, спасал утопавших, воскрешал их, укрощал бури и ветры морския, ходил по морю, как по суше, как делал наш Спаситель. Сей великий угодник Божий, избран самим Богом для утверждения Церкви Христовой заступником и

утешителем всех скорбящих, молись ему с верою, и он спасет Вас всех, ибо его молитва велика у престола Божия. Он с Вами и Вы с Ним, да никто же из Вас не отчаивайтесь. Господь Бог сильнее всех и силу свою Он явит Вам чрез своего угодника». Содержание этого письма позже приводит в своем дневнике Рейнеке. Для себя он сделал пометку: «Думаю послать рисунок в Феодосию к Айвазовскому, чтобы он написал эту икону хотя бы в большом виде для корабля».

В письме от 5 июля 1854 года, направленном из Севастополя командиром фрегата «Сизополь» капитан-лейтенантом Платоном Васильевичем Воеводским, племянником Павла Степановича, покинувшему город по болезни 14 мая Рейнеке, и получившего его 11 июля в Николаеве, упоминается о большой иконе Святителя: «Образ Чудотворца Николая еще не получен, вероятно, потому что тяжелая почта всегда идет гораздо дольше».

22 июля 1854 года Воеводский сообщил Рейнеке: «Большой образ Николая Чудотворца получил, он сделан чрезвычайно хорошо. Павел Степанович просит уведомить, что он стоит». Письмо Рейнеке получил 28 июля в Одессе.

Из Севастополя 27 января 1855 года Воеводский писал Рейнеке в Николаев: «Заветный образок Святителя Чудотворца Николая он носит на груди постоянно». Значит и малый образок Святителя, Павел Степанович получил.

К сожалению, дальнейшая судьба вышеописанных икон Святителя Николая неизвестна. В брошюре «Севастопольская страда (349 дней героической обороны)» Журавская И.Л. пишет, что в 2000 году в Государственный исторический музей (г. Москва) поступила небольшая эмалевая икона. На ней изображены: святой мученик Платон, Архистратиг Михаил и святой мученик Роман. На обороте иконы выполнена надпись в пять строк: «На память / Герою Господину Нахимову / истребление турецкого / флота при Синопе / 18 ноября 1854 Года». Образ был выполнен в 1854 году неизвестным иконописцем в мастерской Я. Рыкунина в городе Ростове Великом Ярославской губернии.

Церковные праздники и памятные дни.

Повседневная служба.

В дни обороны Севастополя на многих бастионах защитники устраивали самодельные киоты, в которых устанавливали иконы Спасителя, Пресвятой Богородицы и святых. Перед ними зажигались свечи и даже постоянно горели лампы. В блиндажах, силами полковых и флотских священников, сооружали походные церкви, переносили в них иконы и ут-

варь из корабельных и разрушенных городских храмов. Все, проходя мимо импровизированных киотов и церквей, снимали шапки, крестились и творили молитву. И делали это не по приказу, не по обязанности, а по состоянию души, требующей помощи Божией.

Из воспоминаний участников обороны известно, что не только рядовые, но и весь офицерский состав, в том числе и руководители обороны, старались присутствовать на всех богослужениях, особенно в праздничные дни и накануне наиболее ответственных сражений. Павел Степанович, как и на бастионы, и сюда часто приходил первым, показывая подчиненным достойный пример. Не случайно, сохранилось лишь только одно его прижизненное изображение в полный рост. На нем адмирал стоит в сосредоточенном, молитвенном состоянии. Этот рисунок художник Василий Федорович Тимм сделал в церкви, а затем его повторили другие авторы в своих работах. Наиболее известна тоновая литография В.Ф. Тимма «Адмирал П.С. Нахимов», из его журнала «Русский художественный листок» за 1855 год.

Пасха. 11 апреля 1854 года. «Праздник Пасхи проведен был всеми, как говорится начеку: получено было известие, что 9 апреля сильный неприятельский флот появился ввиду Одессы и бомбардировал город. Ожидая появления его у Севастополя, князь Меншиков выслал на крейсерство пароход «Владимир», который и оставался в море в течение всей ночи», писал Н.Ф. Дубровин.

Со слов Нахимова и Истомина, посетивших Рейнеке утром на Пасху, и в одиннадцать часов уехавших для поздравлений по кораблям, Михаил Францевич, болевший в те дни, описал произошедшие в городе события: «С вечера сделано было по приказу Меншикова распоряжение, чтобы по пушке с корабля «Константин» в полночь начать на кораблях заутрени и по окончании службы дать людям завтрак (разговориться на свой артельный или командирский счет) и отдых, а в 8 утра при поднятии бом-брам-рей расцветиться всем судам флагами (по свежести ветра, флагами расцвелись только по одному флагу на бом-брам-стенгах). Поэтому Павел на своей эскадре отслужил утрению и обедню к 4 часам, а в 5 часов разговелся у себя на корабле, пригласив Истомина, всех капитанов своей эскадры, офицеров и лучших боцманов. Со всеми христосовался на шканцах и роздал всем нижним чинам по три яйца (куплено было 9000 по 1 рублю серебром сотня – 90 рублей серебром). На эскадре Корнилова служба началась тоже в полночь. На корабле «Константин» был Меншиков, и больной Корнилов явился таки туда. Разговения на корабле у Корнилова не было, и он приглашал к себе на дом, но никто почти не пошел, чтобы не беспокоить его

семью. Меньшиков ни с кем не христосовался и в 4 часа съехал домой. В 7 часов утра Павел со всеми капитанами своими и Истоминым приехал на «Константин» к Корнилову, который оставался еще на корабле. Похристосовавшись с ним, Павел просил Корнилова позволить дать по чарке водки команде «Константина» (41-й экипаж – бывший Павла), на это Корнилов ответил равномерной просьбою, – чтобы Павел за него велел дать по чарке команде «Двенадцати апостолов» (бывший экипаж Корнилова), и так они братски поквитались. После этого Павел был у Меньшикова со всеми капитанами, но Меньшиков и с ними не христосовался. ...Для увеселения команды Павел велел на кораблях своих уволить часть команды, и особенно женатых, на берег около кораблей: в Голландию, Инкерман, сухарный завод и на хутор 29-го флотского экипажа, куда дозволено прийти женам, семействам и землякам из города, но уволенным с корабля от этих мест не уходить далеко и ни под каким видом не ходить в город – на честное слово. Для оставшихся на кораблях устроили качели по штагам и между вант, музыке играть по очереди на всех кораблях. Офицеры могут съехать на берег – часть с утра до 2 часов пополудни, а другая с 2 часов до 6 часов вечера. К половине 7 часа все должны быть дома».

Во вторник, на третий день Пасхи, Рейнеке прогуливаясь по Севастополю, случайно услышал разговор, шедших впереди него, трех матросов из 41-го экипажа, с 44-пушечного фрегата «Константин». Они говорили, что хотя на эскадре Нахимова и более работы, но и более льгот и веселения. Один матрос сказал: «Он сам, т.е. Нахимов катал яйца с матросами на своем корабле и христосовался со всеми встречными, которых знал лично, не то, что у нас – никто не смотрит на нашего брата; да и качели-то у нас на вантах сделали уже по его милости. Дай Бог ему здравствовать!» В это время другой, заметил: «Зато у нас пускают в город, а там нет; гуляй только по пустому берегу». На, что первый матрос ему ответил: «Да что ж, ... и на пустом берегу там привольнее города: качели, палатки для свидания с женами, никто не мешает, а сам он приезжает посмотреть на веселье нашего брата». Позже Михаил Францевич узнал от повара Нахимова, «что он, действительно роздал по 3 яйца на человека и со всеми боцманами и многими лучшими матросами христосовался, а, встречая их на прогулке, бился с ними яйцами».

Командир 4-го бастиона капитан 1 ранга (бывший капитан-лейтенант) Василий Густавович Реймерс вспоминая о своем восьмимесячном пребывании в Севастополе в дни обороны, писал: «...Никогда не забуду тот момент, когда в первый день бомбардирования (5 октября 1854 года – авт.), Корнилов, Нахимов, Тотлебен и почтенный священник с крестом,

благословляя всех, обходили бастионы. С каким чувством каждый из нас подходил к кресту, и как одушевляли нас своим спокойным духом все эти достойные люди». Впоследствии, в память о первом бомбардировании города, в 1888-1920 годах, в нижней церкви Владимирского собора ежегодно 4 октября совершалась панихида над могилами адмиралов.

Пасха. 27 марта 1855 года. «Настали дни Страстной недели, и много-страдальный город отбывал память страданий и крестной смерти Искупителя. На бастионы и батареи понесли плащаницы, ставили их в походных церквах, и в течение всей недели совершали службу», писал Дубровин.

На эту Пасху, высочайшим указом Павла Степановича произвели в полные адмиралы. В своем приказе по Севастопольскому порту от 12 апреля он отмечал свою искреннюю признательность всем адмиралам, капитанам и офицерам, геройски отстаивавшим город. К матросам Нахимов обратился особо: «...Я с юных лет был постоянным свидетелем Ваших трудов и готовности умереть по первому приказанию; мы сдружились давно; я горжусь Вами с детства. Отстоим Севастополь, и, если Богу и Императору будет угодно, вы доставите мне случай носить мой флаг на грот-брам-стеннге с тою же честью, с какою я носил его, благодаря Вам, и под другими клотиками. Вы оправдаете доверие и заботы о нас Государя и генерал-адмирала и убедите врагов Православия, что на бастионах Севастополя мы не забыли морского дела, а только укрепили одушевление и дисциплину, всегда украшавшие черноморских моряков».

Чиновник для особых поручений при Морском министерстве, статский советник Борис Павлович Мансуров 22 мая 1855 года отправил великому князю генерал-адмиралу Константину Николаевичу донесение из Севастополя. Из него известно, что 21 мая, в день памяти Благоверных князей Константина (Ярослава) и чад его Михаила и Феодора, Муромских чудотворцев, в честь его тезоименитства везде отслужили молебны. «Накануне, 20 мая, адмирал Нахимов отдал по всему морскому ведомству приказ следующего содержания: «Завтра высокаторжественный день тезоименитства Государя великого князя генерал-адмирала. Отслужить молебны на бастионах, в блиндажах и на судах эскадры, а свободным от службы быть в соборе у Божественной литургии. Да вознесутся теплые, усердные молитвы за здравие и долголетие нашего попечительного августейшего начальника». В 10 часов собрались в соборе, многих видел я в первый раз вне тех баснословных жилищ, с которыми они так сроднились, что месяца три и более вовсе не заглядывают в город. Глаз невольно был поражен редким праздничным здесь явлением – эполетами, ибо бастионные герои давно так не щеголяли, сам П.С. Нахимов обновил адмираль-

ские три орла, последний знак милостивого внимания Государя и Вашего величества к Черноморскому флоту. После молебствия адмирал принимал поздравления, а во втором часу собрались у него к обеду все наличные адмиралы, экипажные командиры и представители отдельных управлений. ... Не могу выразить, с каким увлечением и энтузиазмом провозглашено было троекратное русское «ура!», когда адмирал Нахимов произнес поздравление Вашему императорскому величеству. ... После обедни и молебствия в нашей госпитальной церкви протоиерей с крестом и святою водою обошел, все палаты и принес всем благословение и поздравление».

Павел Степанович всегда очень высоко ценил труд моряков и офицеров, старался положительно отзываться о них. Часто не оставлял он их и после смерти, присутствуя на погребениях и панихидах. Из многих примеров его участливого, истинно христианского отношения к подчиненным показателен эпизод, отраженный в письме к родным Петра Ивановича Лесли, командира 101-й батареи на Малаховом кургане. В апреле 1855 года он приходил на похороны лейтенанта Александра Александровича Бутакова, скончавшегося от тяжелой раны полученной в бою. «Павел Степанович нес гроб до пристани, откуда мы повезли его на другую сторону бухты на гребных судах. Приятно было видеть, что на похоронах простого лейтенанта присутствует адмирал; и не ради того, чтоб выставить себя, а, напротив, из участия к своей семье моряков. Я уверен, что никому так не горько при виде убитого или раненного флотского офицера, как Павлу Степановичу, который душою привязан ко всем нам. ... Один Павел Степанович может вполне оценить наши труды, и его отзывы о нас и внимание, какое он оказывает нам, конечно, дороже всех мнений и отзывов других».

Сохранились воспоминания и о помощи Павла Степановича родственникам убитых в бою и умерших от ран матросов и офицеров, его письма к ним. У Павла Яковлевича Шкота, адъютанта Нахимова, читаем: «Он постоянно отдавал последний долг убитым на бастионах, для чего ездил на бастионы часто под самым убийственным огнем неприятеля. Часто, проезжая на бастионы мимо маленькой церкви, в которую сносили убитых с ближайших бастионов, он давал деньги, чтобы поставить к каждому убитому по три свечи, как это обыкновенно делается, и часто приезжал на панихиды; такие поездки требовали, можно сказать, самоотвержения, так как делались под неприятельскими штуцерными пулями».

Севастополь. Воля Господня.

В изданиях посвященных Крымской войне и лично Павлу Степановичу часто можно встретить мнение, что при обороне Севастополя он как бы

сам искал смерти. Понятно, что как человек православный, он не мог это делать намеренно. Такое мнение могло сложиться, вероятно, потому что все дни обороны Нахимов находился впереди, на самых тяжелых участках, часто пренебрегая своей личной безопасностью. Проявляя личное мужество, он постоянно являлся примером ответственности и самоотверженности. Будучи человеком высокого воинского долга, Павел Степанович был и глубоко верующим христианином, полагаясь на Божий промысел о себе.

В понедельник, 10 мая 1854 года, Рейнеке записал в своем дневнике: «Вечером беседовал с Павлом пред разлукою нашею, быть может, последней! Да будет воля Господа! Главный предмет беседы нашей были воспоминания, потом предположения или намерения о последних днях жизни нашей. ...Эта беседа глубоко запала в душу мою». 14 мая он выехал из Севастополя, и больше они с Павлом Степановичем не виделись.

Из Северного укрепления Севастополя 12 октября того же года капитан 2 ранга Михаил Морицович Коцебу, служивший на пароходо-фрегате «Владимир», писал Рейнеке о Павле Степановиче, что «...он один теперь ездит по линии, воодушевляя своим присутствием, и матрос и солдат».

В Николаеве в своем дневнике Рейнеке 19 октября записал текст письма отправленного им Нахимову. В нем он в частности писал: «Вести из Севастополя сильно беспокоят меня – не, сколько опасным положением города, которое при помощи Божией может поправиться, сколько твоя отчаянная отвага. ...Ради Бога, мой добрый друг! Береги себя для общей пользы! Только ты можешь еще поправить или хоть поддержать дела Севастополя».

В приказе по Севастопольскому гарнизону, отданном вице-адмиралом Нахимовым 2 марта 1855 года, говорилось о священной обязанности всем начальникам максимально сохранять личный состав во время неприятельских бомбардировок. Павел Степанович писал, что «...шестимесячные труды по укреплению Севастополя приходят к концу; средства обороны нашей почти утроились, и потому кто из нас, верующих в правосудие Божие, усомнится в торжестве над дерзкими помыслами неприятеля». Офицерам напоминалось, что «...жизнь каждого из них принадлежит Отчеству и что не удалство, а только истинная храбрость приносят пользу ему и честь умеющему отличить ее в своих поступках от первого».

В своем рапорте от 12 апреля 1855 года великому князю Константину Николаевичу о деятельности Нахимова и мужестве моряков в осажденном Севастополе Борис Павлович Мансуров отмечал: «...Несравненные наши моряки, стоя, как прежде и как всегда, в первых рядах, постепенно и по-

стоянно убывают, так что чрез несколько недель такого же бедственного их положения останется малая горсть, горсть героев, покрытый славою остаток исключительно морского гарнизона, решившегося умереть на стенах Севастополя тогда еще, когда они на помощь не рассчитывали. Благодаря Бога, доблестный и обожаемый вождь этого геройского семейства – Нахимов, здоров и невредим; до сих пор бомбы и ядры как будто не дерзали до него касаться, и, дай Бог, чтобы так было до конца. Трудно выразить, до какой степени во всем и везде выражается необходимость его присутствия, и до какой степени моряки наши кажутся убежденными, что Нахимов олицетворяет в себе стойкий и непоколебимый гений Севастополя».

Павел Степанович хранил в памяти слова, обращенные к пастве владыкой Иннокентием. Они сказаны были им в день бомбардирования Севастополя неприятелем 16 июня 1855 года. «Законным образом подвизается из Вас, во-первых, тот, кто не подвергает себя опасности и смерти без видимой нужды, по единой неразумной отваге, или столь же непростибельной беспечности, забывая, что жизнь воина принадлежит не ему самому, а Отечеству. Законно подвизается тот, кто сражается и умирает не по язычески, а по-христиански, то есть одушевляясь в принесении на жертву своей жизни не одним обыкновенным отвращением к врагу и желанием себе успеха и отличия, а наиболее чувством долга к Царю и Отечеству, тем паче - к Вере и Святой Церкви. Законно подвизается тот, кто переходит во время брани в другой мир с чувством смирения и покаяния, а не с надмением и бесчувствием душевным, не призвав на себя, даже в минуту опасности смертной, милосердия Божия. Законно подвизается, наконец, тот, кто, находясь постоянно, как Вы теперь, перед лицом смерти, заранее изгоняет из своей души все помыслы нечистые и пожелания плотские».

По воспоминаниям Митрофана Егоровича Колтовского, офицера для особых поручений, всюду сопровождавшего Павла Степановича, 28 июня 1855 года, в то время как они ехали верхом на конях, постоянно шел обстрел окрестностей Малахова кургана. «...Господь нас миловал, ничто не смело по его воле нас тронуть. Во время этой дороги ...адмирал был чрезвычайно весел и любезен против обыкновения и все говорил: «Как приятно ехать такими молодцами, как мы с Вами; так нужно друг мой, ведь на все воля Бога, и ежели Ему угодно будет, то все может случиться: что бы Вы тут не делали, за что бы не прятались, чем бы не укрывались, ничто бы ни противостояло Его велению, а этим показали бы мы только слабость характера своего. Чистый душой и благородный человек будет всегда ожидать смерти спокойно и весело, а трус боится смерти, как трус».

Ранение, смерть и погребение.

Адмирал Павел Степанович Нахимов получил смертельное ранение в голову 28 июня (11 июля по н.с.) 1855 года на 3-м (Корниловском) бастионе Малахова кургана. Эта невозвратимая потеря произошла накануне празднования святым славным и всехвальным первоверховным апостолам Петру и Павлу, около семи часов вечера, когда во всех храмах, и на укреплениях Севастополя в походных церквях, шло всеобщее бдение, и читался канон его небесному покровителю.

Игумен Серафим, настоятель Никандровой Благовещенской Пустыни Псковской епархии, был одним из свидетелей ранения и смерти Павла Степановича. Во время обороны Севастополя он находился при 39-м флотском экипаже и совершал богослужение и требы на 4-м отделении оборонительной линии. В апреле 1871 года он подробно описал события тех дней. «После Юрковского 4-м отделением заведовал капитан 1-го ранга Керн, которым я, 28 июня, вечером, назначен был служить перед иконою над входом в Малахову башню, св. апостолам Петру и Павлу, всеобщее бдение. При котором присутствовали: сам Керн, генерал Юферов и другие начальствующие лица. Во время всеобщей произошла суматоха, по случаю приезда для осмотра батарей адмирала Павла Степановича Нахимова, которому Керн предложил было помолиться Господу, но он в ответ сказал Керну: «Молитесь, молитесь!» – и сразу же отправился на батарею, устроенные за Малаховой башней, стал смотреть в подзорную трубу, но в это самое время поражен был пулею в висок и упал без чувств. Об этом меня во время всеобщей уведомили; и я немедленно поспешил к нему на батарею, надеясь застать его в живых и там же исповедовать и приобщить Святыми Таинами; но так как он и по прибытии моем еще находился без чувств, то и долга христианского совершить не мог; с батареи сейчас же отнесли его на Северную сторону, где я с запасными Дарами, не отходил от него до его смерти». Сохранилось несколько воспоминаний об этом событии, из которых данное игуменом Серафимом одно из наиболее объективных. Никандрова Благовещенская Пустынь располагалась в десяти верстах (10,7 км.) от уездного города Порхова Псковской губернии, на берегу речки Демянки. Она была основана в XVI веке преподобным Никандром постриженником Крыпецкого монастыря.

29 июня капитан-лейтенант Авраамий Богданович Асланбегов записал в своем дневнике: «... Я уехал от Нахимова в третьем часу ночи; он не приходил в себя ни на одну секунду и был безмолвен кроме стонов и единожды сказанного «Боже мой». ...Сегодня праздник Петра и Павла, и после обедни я поехал к Нахимову и нашел его, к удовольствию, в не-

сравненно лучшем положении. Он открывал глаза, приподнимался, делал движения, показывал рукою о своих желаниях, словом, проявлял большую жизненность; я был в 5 часов – состояние было то же, но, приехав вечером, нашел его хуже».

Об обстоятельствах ранения Павла Степановича рассказывает в своем письме от 30 июня, из Севастополя к родным, Петр Иванович Лесли. В тот момент он находился рядом с Нахимовым на бастионе.

В день празднования Собора славных и всехвальных двенадцати апостолов, 30 июня (13 июля по н.с.) в 11 часов 10 минут утра Павел Степанович скончался. «Тотчас же отслужили панихиду, потом отпели, потом отвезли его в 4 часа в его квартиру. Последний переезд его через бухту был торжественен; его поставили на кожуховую лодку, буксируемую катерами, ветер засвежел, как бы посылая прощальный поцелуй, враги провожали его ядрами, а русские эскадры приспустили флаги...», - вспоминал А.Б. Асланбегов. Некоторые историки Севастополя полагают, что Павла Степановича отпевал протоиерей Арсений Гаврилович Лебединцев (1818-1898 гг.), настоятель Севастопольского Петропавловского собора и благочинный всех церквей Севастопольского округа. В период обороны Севастополя, он ежедневно совершал богослужения до августа 1855 г., когда после очередной неприятельской бомбардировки разрушили его храм. После Крымской войны его наградили орденом святой Анны 2-й степени, золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте, перстнем с бриллиантом и серебряной медалью. В 1856 году отец Арсений присутствовал при коронации императора Александра II в Московском Успенском соборе. В 1869 году его приглашали в Санкт-Петербург, где в Зимнем дворце проходили празднования в честь 100-летия учреждения ордена святого Георгия Победоносца.

В письме от 7 июля 1855 года Лесли писал о Нахимове: «Он умер на Северной стороне, в беспамятстве; его в тот же день перевезли в город на квартиру. Когда тело везли мимо флота, то он приспускал свои флаги до половины: этим у нас отдается честь покойнику. Пока он лежал на квартире, то над его телом читал постоянно монах в полном облачении, по собственному их желанию. ...Панихиду в церкви служили 14 священников, из коих большая часть Синопских монахов».

То же и у игумена Серафима: «По кончине Нахимова тело его было перевезено в город, на его квартиру, где все флотские иеромонахи, из уважения к почившему, по очереди читали над ним Евангелие; и со славою, по долгу христианскому, тело его погребено в одном месте с защитника-

ми Севастополя, адмиралами Корниловым и Истоминым. При погребении Нахимова было все городское и Черноморского флота духовенство, а также множество народа разных сословий. В заключение долгом считаю сказать, что во все время погребальной процессии адмирала Нахимова, с неприятельской стороны не было ни одного выстрела; а когда кончился обряд погребения, немедленно дан был неприятелем залп».

Глубоко скорбя о смерти своего начальника и земляка, Лесли писал: «Пожалуйста, друзья мои, отслужите по нем панихиду. Хоть вы его не знали, но должны были любить, во-первых, потому, что он был верный слуга Царю и Отечеству, а во-вторых, и человек такой благородной души, по крайней мере, не будет страдать. Жаль, что я не буду на похоронах – нельзя отлучиться с батареи, но помолюсь за него искренно».

В своем донесении от 30 июня статский советник Б.П. Мансуров докладывал великому князю Константину Николаевичу о смерти Нахимова. В нем он описывал подробно все обстоятельства гибели адмирала. После кончины Павла Степановича в домике, занимаемом аптекой морского госпиталя, его одели, «...совершили над ним литию и понесли на госпитальной кровати к пристани на Куриной балке, где приготовлены, были барказы для перенесения тела усопшего в квартиру его. В этот день дул чрезвычайно сильный ветер, последнее путешествие совершено было Синопским победителем чрез родную для него Севастопольскую бухту, и еще раз, в последний, случилось бороться ему с волнами и ветром, которые он 37 лет побеждал к чести и славе возлюбленной нашей России. Завтра после вечерни должно быть совершено погребение тела хранителя и души Севастополя на месте, уготованном им для себя около Корнилова и Истомина, жертв – товарищей его по Малахову кургану, и возле Лазарева, общего их наставника. Таким образом, никого уже не осталось из трех любимцев Михаила Петровича, все трое пали на одном месте, вместе будут покоиться, и нераздельно будут жить в памяти Черноморского флота и всего Отечества».

То же событие так описано у Н.Ф. Дубровина: «В день кончины Павла Степановича ...тело его было перевезено на Южную сторону. По сигналу с флагманского корабля «Великий Князь Константин» на всех судах опустили флаги и команды вышли наверх. В это время показался катер, буксируемый тремя шлюпками, на котором помещалась госпитальная кровать с телом покойного адмирала. Катер остановился у Графской пристани, где тело было поднято офицерами и поставлено в скромном доме, где жил адмирал».

Об организации похорон П.С. Нахимова сообщалось в приказе по Севастопольскому гарнизону от 30 июня 1855 года отданном исправляющим должность начальника штаба свиты Его Императорского Высочества генерал-майора В.И. Васильчикова: «...Завтрашнего числа в 5 часов после обеда имеет быть погребение умершего от раны адмирала Нахимова, для чего назначаются: 4-й батальон Модлинского резервного пехотного полка в полном составе, имея во взводе по 17 рядов, с хором горнистов и барабанщиков, а другой сводный батальон от экипажей Черноморского порта по наряду от управления командира порта; хор музыки от Екатеринбургского пехотного полка, 6 орудий от резерва полевой артиллерии; ...всем этим войскам прибыть к церкви Адмиралтейского собора к 4 ½ часам после обеда...».

Общее горестное впечатление о гибели Павла Степановича, выразил в своих походных записках поручик Охотского егерского полка, Петр Владимирович Алабин. 30 июня вечером он писал: «Нахимов умер! Уныло звонит колокол единственной севастопольской церкви, ему жалобно вторит колокол Корабельной стороны; эти печальные звуки, сливаясь в один потрясающий звук с редкими выстрелами орудий, несутся по бухте, будто стоны Севастополя над свежим прахом своего славного вождя стремятся на сторону бухты, чтобы пронестись по обширному пространству нашего Отечества, везде вызывая сердечные слезы, везде потрясая души горем и печалью».

Панихиду по Павлу Степановичу совершили в храме во имя Архистратига Михаила. Здесь все, кто был назначен приказом и кто смог ненадолго отлучиться с укреплений, простились с ним. В этой церкви провожали в последний путь многих славных защитников города, в том числе адмиралов В.А. Корнилова и В.И. Истомина. Из воспоминаний А.Б. Асланбегова: «Мы вынесли гроб из квартиры, предшествуемый тремя адмиральскими флагами, и понесли его в церковь между двумя батальонами армейскими и флотскими, составленными от всех бастионов и батарей и судов флота, по ту сторону церкви стояло шесть орудий. По окончании панихиды дозволено было всем матросам батальона проститься с адмиралом».

Дубровин Н.Ф. так описывает перенесение тела Павла Степановича из Михайловского храма в основание Владимирского собора: «Не волновались обитые крепом знамена; суровы и угрюмы были лица присутствующих. Гроб Синопского победителя несли главнокомандующий, начальник гарнизона граф Остен-Сакен и другие генералы. При появлении его загредел полный поход; корабль «Великий Князь Константин» стал салютовать; корабли приспустили свои флаги до половины мачт».

Начальник Севастопольского гарнизона генерал-адъютант Д.Е. Остен-Сакен в своем приказе от 30 июня 1855 года такими словами почтил память адмирала Нахимова: «Не мы одни будем оплакивать потерю доблестного сослуживца, достойнейшего начальника, витязя без страха и упрека – вся Россия вместе с нами прольет слезы искреннего сожаления о кончине героя Синопского. Моряки Черноморского флота! Он был свидетелем всех ваших доблестей, он умел ценить ваше несравненное самоотвержение, он разделял с вами все опасности, руководил вами на пути славы и победы. Преждевременная смерть доблестного адмирала возлагает на нас обязанность дорогой ценой воздать неприятелю за понесенную нами потерю. Каждый воин, стоящий на оборонительной линии Севастополя, жаждет, я, несомненно, уверен, исполнить этот священный долг, каждый матрос удесатерит усилия для славы русского оружия».

Вечером 1 июля П.В. Алабин, возвратившись с похорон Павла Степановича, записал: «Приехав утром на Графскую, я еще застал прах Нахимова в его скромном домике; он лежал в углу небольшой комнаты; моряки составляли почетный караул; три флага приосенили славный прах, четвертый, тот который развевался на корабле «Императрица Мария» в славный Синопский день, прикрывал знаменитого покойника. Этот флаг, изорванный в битвах, изъеденный временем, был почетнейшим покровом Нахимову. ... Но вот выносят покойного. Загремел полный поход. Корабли приспустили флаги до половины мачт; корабль «Великий князь Константин» стал салютовать. Гроб героя Синопского несли главнокомандующий – он плакал, граф Сакен, генерал-адъютант Коцебу и толпа генералов и адмиралов. Величественно было это безмолвное шествие в церковь, посреди двух рядов солдат с ружьями на караул и при множестве военных зрителей... Церемония тянулось долго. Все матросы простились со своим любимым командиром. Конечно, мы проводили Нахимова до могилы, устроенной рядом с могилою, им себе приготовленной, но добровольно им уступленную опередившему его на кровавой стезе Истомину».

У А.Б. Асланбегова: «... Мы вынесли гроб из квартиры, предшествуемый тремя адмиральскими флагами, и понесли его в церковь между двумя батальонами армейскими и флотскими, составленными от всех бастионов и батарей и судов флота, по ту сторону церкви стояло шесть орудий. По окончании панихиды дозволено было всем матросам батальона проститься с адмиралом. Замечательно, что многие солдаты пожелали проститься. В 8 часов мы подняли прах Павла Степановича, чтобы отнести его на место упокоения...».

В разных изданиях встречается мнение, что тело Павла Степановича захоронили в ногах адмирала Лазарева. Но если обратиться к документам того периода, то на чертеже, приложенном к акту, составленному комиссией 11 апреля 1858 года, могила Нахимова отмечена справа, то есть к югу от общей усыпальницы и практически на одной линии с ней.

Лейтенант Леонид Алексеевич Ухтомский, отмечая заслуги Павла Степановича, записал в своем дневнике: «...Вся жизнь его принадлежала Отечеству, в своей жизни он видел мало радости, напротив, ему приходилось испытывать много горя, но он имел столько благородства, столько характера, что умел стать выше... и заслужил всеобщую любовь и уважение. ...Нахимов своими полезными трудами и заслугами стал народным героем, первым после Суворова».

Владимирский собор.

Местом последнего упокоения Павла Степановича стал собор, воздвигнутый в центре Севастополя в честь святого равноапостольного князя Владимира. С этим храмом, строившимся по ходатайству адмирала Лазарева, заложенным в дни героической обороны, адмирала Нахимова связывали самые дорогие воспоминания. В разные годы, в склепе, находившемся в основании храма, при нем были погребены: учитель и командир – адмирал Михаил Петрович Лазарев; друзья и сослуживцы – В.А. Корнилов и В.И. Истомина. В эти недостроенные стены Павел Степанович приходил, чтобы помолиться вместе с боевыми товарищами на панихиде за упокой их душ. Здесь, вскоре был погребен и он сам.

Впервые с инициативой о возведении собора в Херсонесе, в окрестностях Севастополя, с целью увековечить место крещения святого князя Владимира, обратился в 1825 году к императору Александру I вице-адмирал А.С. Грейг. В 1842 году вице-адмирал М.П. Лазарев подал императору Николаю I прошение, где ходатайствовал о перенесении места под строительство собора из Херсонеса в центр Севастополя. В том же году получено разрешение о строительстве Владимирского собора на Центральном городском холме по проекту архитектора, академика К.А. Тона (1794-1881 гг.). После утверждения детализированного проекта архитектора В.А. Рулева, учреждения строительной комиссии, проведения подготовительных работ, в 1850-1851 годах приступили к рытью рвов для устройства фундамента собора. В Вене от тяжелой болезни 11 апреля 1851 года скончался адмирал Лазарев. 7 мая 1851 года, после Божественной литургии и панихиды совершенной высокопреосвященнейшим Иннокентием (Борисовым) в Петропавловском соборе Севастополя, гроб с телом адмирала был перенесен в специально

устроенный склеп, на месте строительства собора. Этим было положено начало адмиральской истории Владимирского собора. Впоследствии в его нижней церкви были погребены еще 12 высших офицеров флота.

В субботу, 6 февраля 1854 года М.Ф. Рейнеке записал в дневнике: «...Сегодня, гуляя, заглядывал к могилке М.П. Лазарева. Тут уже начали готовить фундамент для храма Св. Владимира. Десятник Мухин, от подрядчика, сказывал мне, что подряд остался за здешним купцом (дом его, где лавка Софера) за 80 тысяч рублей серебром вчерне, с тем, чтобы кончить в 3 года. Камень, кажется, будет аккерманский, фундамент очень высок, так что пол церкви придется выше могилки Лазарева футов на 20 или 25, и насыпь или вал, теперь окружающие могилку, будет вне фундамента, а над нею еще цоколь и ступени для входа». На полях дневника он нарисовал приблизительный план Владимирского собора и разрез его фундамента.

Накануне Пасхи, 10 апреля 1854 года, с кораблей на берег приезжали Нахимов и Истомина, чтобы вместе с Корниловым и Новосильским посетить могилу Лазарева и помолиться о нем на панихиде. В тот год Светлое Христово Воскресение совпадало с днем смерти адмирала. А так как в пасхальный день проводить панихиду было бы неудобно, и главное, не положено по церковному уставу, то решили ее сделать в субботу. Кроме них на службе присутствовали капитаны со всех кораблей эскадры Нахимова и около 30 обер-офицеров.

В письме от 8 июля 1854 года, направленном с Севастопольского рейда, капитан-лейтенантом Михаилом Морицовичем Коцебу с корвета «Калипсо» Рейнеке сообщалось: «На днях будет церемониальная закладка Владимирскому собору, и фундамент его уже выведен на 5 футов».

Дубровина Н.Ф. в своей книге писал: «На рассвете 14 июля неприятельский флот опять показался близ Севастополя. Не обращая на него внимания, жители в виду его праздновали торжество закладки соборного храма во имя святого равноапостольного великого князя Владимира».

15 июля архиепископ Иннокентий совершил закладку Владимирского храма в присутствии контр-адмирала Корнилова и вице-адмирала Станюковича. В своей проповеди владыка сказал: «Основание храма сего во всякое другое время было бы событием не Севастопольским токмо, но и Всероссийским; ибо кем создается этот храм? Не здешним токмо градом и даже не одною нашею Россиею. По какому побуждению созиждется он? В память крещения и просвещения верою Христовою, близ града сего, великого князя Владимира; то есть почти то же, что в память обращения в христианство земли Русской; ибо в лице князя своего крестилась здесь и просветилась верою, можно сказать вся Россия. Посему то на всех обширных краях Отечества, где

только не услышат о настоящем священнодействии нашем, возрадуются искренно и скажут от души: Слава Богу, и благочестивейшему Монарху! Давний, священный долг вся России перед памятью Святого Великого князя Владимира скоро будет уплачен. Но в настоящих обстоятельствах возлюбленного Отечества нашего заложение сего храма получает еще большее и обширное значение. Кто не знает, что у врагов наших одно из самых задушевных желаний теперь состоит в том, чтобы каким бы то ни было образом отторгнуть здешнюю страну от состава России? Это было бы, по собственному признанию их, верхом их успеха против нас. А мы – в это самое время, - как бы в ответ на их безумную дерзость – полагаем ныне здесь основание храму во имя Святого Владимира! Сим самым, сильнее и внятнее всяких слов, мы говорим врагам нашим как бы так: Непростительно грубо ошибаетесь Вы, воображая, что полуостров Таврический составляет для России только недавнюю добычу меча и плод побед. Нет,- это древнее родовое достояние наше, это наследие еще Святого Владимира! Здесь купель нашего крещения; здесь начало нашей священной истории и народных преданий. Уступить после сего страну эту кому бы то ни было, значило бы для России отказаться от купели своего крещения, изменить памяти Святого Владимира. Возможно ли это? Скорее не останется во всех горах здешних камня на камне, нежели Луна заступит здесь место Креста Христова! Такова, говорю, сила и таков смысл нынешнего нашего священнодействия по отношению к врагам нашим! И надо же было им вчера явиться в таком множестве пред лицом сего града, как бы нарочно для присутствия при заложении сего храма и заслушания урока, в нем заключающегося! Слепленные ненавистью к величию и славе России, они не поймут теперь сего урока, но он не потеряет через то своей силы и пронесется по всей земле Русской; услышится и за пределами ее, и напомнит о забытой истине даже тем, кои хотели бы сокрыть ее навсегда в неправде своих мудрований».

Во время первой бомбардировки Севастополя 5 октября 1854 года смертельное ранение на Малаховом кургане получил контр-адмирал Владимир Алексеевич Корнилов. Адмирал Нахимов приказал выложить из 12 неприятельских ядер крест на месте его ранения. Учитывая заслуги В.А.Корнилова перед Отечеством - 6 октября он был погребен в склепе рядом с адмиралом Лазаревым. В коротком письме обер-интенданту Черноморского флота и портов контр-адмиралу Н.Ф. Метелину о смерти Корнилова 5 октября адмирал Нахимов писал, что «он умер как герой» и «потеря для России незаменима».

7 марта 1855 года на Камчатском люнете убит ядром в голову контр-адмирал Владимир Иванович Истомин. 8 марта он погребен в склепе собора. В письме контр-адмиралу К.И. Истомину брату погибшего В.И. Ис-

томина 9 марта Павел Степанович писал: «По единодушному желанию всех нас, бывших его сослуживцев, мы погребли тело его в почетной и священной могиле для черноморских моряков, в том склепе, где лежит прах незабвенного адмирала Михаила Петровича и первая, вместе высокая жертва защиты Севастополя, покойный Владимир Алексеевич. Я берег это место для себя, но решился уступить ему. ... Три праха в склепе Владимирского собора будут служить святынею для всех настоящих и будущих моряков Черноморского флота».

Сообщая в донесении Д.Е. Остен-Сакену о гибели Истомина, 9 марта Павел Степанович с горечью отметил: «Вот новая жертва, принесенная искуплению Севастополя!».

30 июня 1855 года тело погибшего адмирала Нахимова погребли в устроенной справа от общего склепа могиле.

На период Крымской войны работы по возведению собора были приостановлены, и возобновлены в 1862 году по переработанному проекту архитектора А.А. Авдеева (1818-1895гг.) утвержденному императором Александром II. Высокопреосвященным Платоном (Городецким; 1803-1891 гг.), архиепископом Херсонским и Одесским 5 октября 1881 года освящен нижний храм во имя Святителя Николая Чудотворца. Верхний храм во имя Святого князя Владимира освящен в 1888 году высокопреосвященнейшим Мартинианом (Муратовским; +1898 г.), архиепископом Таврическим и Симферопольским.

Богослужение в соборе совершалось до 1932 года. Затем в нем размещались мастерские и склад, в результате были сильно повреждены и осквернены все захоронения, росписи, доски с именами героев обороны Севастополя. Храм сильно пострадал в Великую Отечественную войну 1941-1945 годов. В период обороны Севастополя в 1941-1942 годах в его стенах находился госпиталь, бомбоубежище и корректировочный пост артдивизиона. После войны, несмотря на полученные сильные повреждения в ходе боев, собор использовался под склад Политуправления Черноморского флота. В 1965 году были проведены первые реставрационные работы. В 1973 году собор передан Музею героической обороны и освобождения Севастополя.

Богослужение возобновлено 19 октября 1991 года.

Память.

Если перечислить, чем и как за 150 лет после гибели славного адмирала благодарные потомки отметили память о нем, то даже краткое упоминание о памятниках, бюстах, книгах, улицах, площадях, кораблях, учебных заведениях займет несколько страниц. Вспомним лишь об останках Павла

Степановича, его учителя, соратников, и тех, кто покоился с ними рядом в склепе нижнего храма Владимирского собора. Эта почетное и священное место для всех Российских моряков, также дорого и чтимо всеми русскими людьми, кому не безразлична история Отечества. К сожалению, еще со времен Крымской войны поклонение перед этой могилой и сохранение памяти об адмиралах сочеталось со случаями ее разграбления, осквернения и забвения.

Через два месяца после смерти Нахимова, 30 августа 1855 года Южную сторону Севастополя оккупировал неприятель. Вскоре после подписания 16-18 марта 1856 года Парижского мирного договора эта часть города была возвращена России. «Цивилизованные» европейцы, вели себя в Севастополе так же, как и их предки в 1812 году на занятой ими части России. Город так сильно пострадал во время обстрелов и бомбардировок, что здесь грабить было нечего, и союзники добрались даже до могил. Как только представилась возможность, капитан-лейтенант А.Б. Асланбегов вместе с другими офицерами отправился на могилу адмиралов, чтобы поклониться их останкам. Из его рапорта в Главное управление Черноморского флота, известно, что «...сводный камень в склеп Адмирала Нахимова был снят, крыша гроба разбита, что позволило видеть лицо и грудь покойного, и мундир разорван. Это положение мы объяснили себе так, что камни бросались с поверхности земли, и, пробив крышу гроба, разорвали мундир». Встреченный русскими офицерами французский комендант Севастополя дивизионный генерал Базен, в ответ на выраженное Асланбеговым «негодование и изумление к этим святотатственным поступкам» ответил, что его подчиненные приняли склепы за склады пороха и снарядов и поэтому раскрыли их. Возвращаясь еще раз к истории, напомним о сохранившихся в архивах сотнях документальных свидетельств, сообщающих, как всего лишь несколько десятилетий ранее французы и их союзники путали православные храмы с конюшнями, рубили мясо на престолах, укрывали лошадей ризами и совершали прочие бесчинства. Не отличались они соблюдением христианских заповедей или норм воинской морали и в Крыму. Возвратившись на Северную сторону, Асланбегов с бывшими с ним офицерами обратились к контр-адмиралу Феодосию Дмитриевичу Бартеневу, заведовавшему флотскими экипажами, с просьбой послать каменщиков для исправления склепа.

В мае того же года коллежский ассессор, архитектор, академик Мартин Иванович Эппингер, прибывший в Севастополь, отмечал, что «стены подвального этажа ... сильно повреждены, так что требуется переложить несколько рядов камней».

19 августа 1856 года «Одесские ведомости» сообщали, что в Севастополе прошло освящение памятника на могиле адмиралов, поставленного по инициативе капитана 1-го ранга Александра Андреевича Ключникова, командира Севастопольского порта. «Памятник этот, как временной, не затейлив: несколько возвышенная, с одной ступенью, плита из белого инкерманского камня, и такой же крест, украшенный венком из живых георгинов. Кругом, площадка усыпана песком; окраина красиво отбита гольшами, поставлены черные тумбы и обнесена цепь. Очень просто; но подойдите, нет! Снимите фуражку и подойдите к плите... вы прочтете надпись: «Здесь погребены: Адмирал Лазарев, скончавшийся в лето 1851 г., и убиенные при защите г. Севастополя: Вице-Адмирал Корнилов, Контр-Адмирал Истомин, Адмирал Нахимов». Какия имена! Сколькo славы, сколькo величия...».

К сожалению, могила адмиралов еще долгие годы была забыта. С середины 1960 годов проводилась реставрация собора, но как отмечает во вступительной статье к книге о Владимирском соборе, директор Музея героической обороны и освобождения Севастополя Ю.И. Мазепов, только в начале 1990 годов были приглашены археологи и проведены раскопки в нижнем храме. К этому времени склеп, в котором погребены адмиралы, вскрывался, засыпался землей и строительным мусором. Переплетенные корни, окружавших собор деревьев, затрудняли доступ к останкам. Кроме того, склеп наполовину заполняла грунтовая вода не позволявшая работать. Только после тщательной гидроизоляции, выполненной по своей методике художником и реставратором из Москвы Т.В. Хвостенко, склеп удалось осушить и привести в надлежащее состояние. Обнаруженные останки адмиралов были индифицированы.

В 1992 году произошло событие, которого несколько поколений ждали 60 лет. 29 февраля при участии Штаба Черноморского флота проведено перезахоронение останков адмиралов М.П. Лазарева, В.А. Корнилова, В.И. Истомина и П.С. Нахимова. Эта церемония прошла с соблюдением всех воинских почестей, и после восстановления богослужения в соборе и освящения его, стала значительным вкладом в увековечивание памяти героев Крымской войны и России. 28 февраля останки адмиралов, переложенные в новые дубовые гробы, были доставлены в Оборонительную башню Малахова кургана. На следующий день утром гробы, покрытые Андреевскими флагами и установленные на артиллерийских лафетах, в сопровождении почетного эскорта перевезли на катер. Переход катера через бухту к Графской пристани был совершен под звуки артиллерийского салюта. Отсюда гробы доставили на Нахимовскую площадь, где по древ-

ней воинской традиции их встречали коленопреклоненные батальоны моряков. На руках старших офицеров флота гробы перенесли к собору. По окончании Божественной литургии, в верхнем храме, отслужена панихида в храме-усыпальнице, и гробы были опущены в склеп.

В апреле 1992 года над захоронением адмиралов был установлен крест из черного полированного гранита.

В начале июля 2002 года по всей России прошли торжества, посвященные 200-летию со дня рождения П.С.Нахимова. На Смоленщине они затронули города Смоленск, Вязьму и Вяземский район. В областном центре создали «Молодежный центр-музей имени адмирала П.С. Нахимова» за последние годы ставший одной из наиболее действенных организаций работающих со школьниками. В Вязьме в историко-краеведческом музее Вязьмы открыли выставку «Великий сын России» и в городском сквере, на площадке перед бюстом П.С.Нахимову провели торжественный митинг «Слава русского флота». По окончании митинга вязьмичи и гости посетили места, где родился, был крещен и провел детские годы будущий адмирал. На бывшем Спас-Волжинском погосте, митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (ныне Святейший Патриарх Московский и всея Руси) освятил деревянный поклонный крест, установленный за алтарем восстановленного основания Спасского храма, где в 1802 году был крещен младенец Павел Нахимов. Затем была отслужена заупокойная лития.

Павел Степанович, любя свое Отечество, служа ему, защищая его, выполнил свой христианский долг как православный человек до конца. «...Камень, егоже небрегоша зиждущии, сей бысть во главу угла: от Господа бысть сей, и есть дивен во очесех наших» (Пс. 117).

Примечание

Перевод всех дат на новый стиль дан по Православному церковному календарю Русской Православной Церкви, М., 2005.

Текст подготовлен иеромонахом Даниилом (Сычёвым) с использованием источников:

1. Адмирал Павел Степанович Нахимов – гордость и слава России. Сост. М.В. Макареев. Севастополь, 2003.
2. Адмирал П. С. Нахимов и Черноморский флот. Музей героической обороны и освобождения Севастополя. Севастополь, 2005.
3. Административно-территориальное устройство Смоленской области. «Московский рабочий». М., 1981.
4. Беляев И.Н. Адмирал Нахимов и Смоленский край. Смоленск, 2002.
5. Дубровин Н.Ф. 349-дневная защита Севастополя. СПб., 2005.
6. Журавская И.Л. Севастопольская страда (349 дней героической обороны). ГИМ. М., 2005.
7. Золотарев М.И. Хапаев В.В. Херсонесские святые. Севастополь, 2002.
8. Иделевич Т.Н. Еще раз о месте рождения П.С.Нахимова. «Исторический архив», №2, М., 1956. 9.История России в XIX веке. Эпоха реформ. М., 2001.
10. Казарин В.П. Битва за Ясли Господни. Россия ли проиграла Восточную (Крымскую) войну 1853-1856 годов? Крымский архив. Симферополь, 2005.
11. Краткий молитвенник и катехизис для православных воинов. Репринтное издание. СПб.,1995.
12. Литвинова Е.М. Крым. Православные святые. Симферополь, 2005.
13. Маркевич А. Таврическая губерния во время Крымской войны (по архивным материалам). Симферополь, 1994.
14. Новый документ о месте рождения П.С.Нахимова. Газ. «Ленинский путь», г. Вязьма, 12 февраля 1956 г.
15. П.С. Нахимов. Документы и материалы. В 2 т. Под ред. В.С. Соболева. Российский Государственный архив Военно-Морского флота. СПб., 2003.
16. Православные русские обители. Репринтное издание. СПб., 1994.
17. Русский биографический словарь. Репринтное издание. Нааке-Николай. «Аспект-Пресс». М., 1996.
18. Русский Златоуст. Жизнеописание, слова и проповеди святителя Иннокентия, архиепископа Херсонского. Единецко-Бричанская епархия, 2005.
19. Святитель Филарет (Дроздов). Избранные труды. Письма. Воспоминания. Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт. М., 2003.
20. Севастополь. Энциклопедический справочник. Ред.-сост. М.П. Апошанская. Музей героической обороны и освобождения Севастополя. Севастополь, 2000.
21. Собор Святого Равноапостольного князя Владимира – усыпальница выдающихся адмиралов Российского Императорского Флота. Ред.-сост. М.П. Апошанская. Музей героической обороны и освобождения Севастополя. Симферополь, 2004.
22. Тарле Е.В. Крымская война. В 2 т. М., 2005. 32.Чудотворные и местночтимые иконы Святой Руси на земле Украинской просиявшие. Ч. 1. Киев, 2004.
23. ГАСО (Государственный архив Смоленской области). Ф.47.; Ф.48.